

Роман Чиквы

ИНСПЕКТОР

Городской роман

2017

Роман Чикин
Инспектор. Городской роман

«Издательские решения»

Чикин Р.

Инспектор. Городской роман / Р. Чикин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851510-1

Автор знает о жизни большого города не понаслышке. Особенно о ее неприглядных сторонах. Главный герой романа — Инспектор — чувствует себя душой этого города. Города бомжей, ментов, алкоголиков, многодетных мам, пенсионеров и водителей трамваев. Города, погрязшего в равнодушии. И ему небезразлично то, что происходит вокруг. Он пытается сделать этот мир хоть чуточку лучше. Что ему поможет? Дружба? Сознание долга? Или одиночество и алкоголь?

ISBN 978-5-44-851510-1

© Чикин Р.
© Издательские решения

Инспектор Городской роман

Роман Чикин

Все персонажи – вымышлены, все совпадения с реально живущими людьми – случайны

И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг.

Откровение Иоанна Богослова, 3, 14—17.

*Дизайнер обложки Елена Чикина
Редактор Сергей Васильченко*

© Роман Чикин, 2018

© Елена Чикина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-1510-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

* * *

– Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, – я снимаю трубку надрывно дребезжащего телефона и громко и четко вбрасываю эту сакральную фразу в ухо невидимого собеседника.

– Почему у нас снег возле подъезда не убирают? Я вам уже третий раз звоню! Что это такое?! Мне что, ноги прикажете ломать?! Как я дойду в поликлинику?!.. Я инвалид, ветеран труда!.. – обрушивается на меня поток шипящей, будто струя мочи в снег, ругани. Я терпеливо выслушиваю инвалида и ветерана труда, затем мысленно выливаю из уха налитую в него несвежую старческую мочу и четко и громко повторяю заклинание:

– Вы позвонили в комиссию по делам несовершеннолетних. С Вашим вопросом Вы можете обратиться в отдел ЖКХ. Записывайте телефон...

Старушка немедленно прекращает свои словомочеизлияния, торопливо (я слышу, как в трубке шуршит затупленный карандаш по мятому тетрадному листку) записывает телефон и оставляет меня слушать короткие гудки. Я бережно кладу трубку на рычаг телефона и на вопросительный взгляд Маринки Петровой отвечаю:

– Фигня, нас опять хотели снег убирать заставить.

Все хорошо, все спокойно. Мне нет дела до снега и его уборки, пока, к примеру, какой-нибудь школьник-дурачок туго слепленным снежком или изрядным куском льда не пробьет голову своему однокласснику. Вот тогда я и примусь за дело, ведь я – инспектор комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Да, если уж речь зашла о пробитых головах. Прошлым летом к нам пришел материал из Следственного комитета одной из соседних со столичным регионом областей. Пацан, житель нашего района, уехал на каникулы к бабушке и, гуляя в деревне, повздорил с местными мальчишками. Казалось бы, тут бы столичному жителю и огрести по полной – как известно, провинциальные школьники гораздо лучше разбираются, как вдарить в «солнышко» или под коленку, чем как скачать новую игрушку в «Эпл стор», но не тут-то было. Наш пацан не посрамил чести родного района, и после короткой словесной перепалки поднял с земли увесистый кусок кирпича и обрушил его на голову одного из обидчиков. Итог – тяжкий вред здоровью и отказной по сто одиннадцатой. Да ладно бы только это! Родители мастера кирпичного боя долго пытались переквалифицировать статью на менее тяжкую, писали, подавали, снова писали, а потом, видно, плюнули на все и отдали сына в «Самбо-70». И правильно! Нехер кирпичами по голове бить, лучше голыми руками обидчиков поломать.

Было ли подобное в мое детство? Конечно, было! И в детстве моих родителей такое происходило, и детстве моих дедов и бабушек. Пацаны дрались всегда. Мальчишки из одной деревни лупили мальчишек из соседней – и наоборот. И носы разбивали, и ссадинами и синяками награждали друг друга немилосердно. И я дрался, да. Вот только конфликты эти решались тогда по-другому. Не писали заявления. Не ходили в суды. Сами решали, по-свойски, потому что все друг друга знали, и не нужно никому было выносить сор из избы. Синяки заживут, царапины затянутся. И скоро нечего будет делить, и никто, к примеру, Кольку «глистой» не обзовет. Ну, разве только в шутку, по старой памяти. Вырастут пацаны и научатся уважать друг друга без протоколов и отказных.

Снова дребезжит телефон. На этот раз это Надька – ну или, если угодно, старший инспектор отдела по делам несовершеннолетних нашего районного ОВД капитан полиции Соловьева.

– Привет, что у тебя?

– Вы на месте сейчас?

– Ну как бы да... Вроде вот говорю с тобой.

– Ой, пофигу. Короче, факс прими, там по «Подростку».

– Стартую...

Старенький «Панасоник» (с инструкцией на корпусе: «Обережно вставьте папир. Неправильно пид нахилом...») начинает натужно скрежетать и втягивать «папир» внутрь себя. С обратной стороны вскоре показывается бумага с размазанным и сплюснутым эмвэдэшным орлом, аббревиатурой нашего ОВД и прочей необходимой делопроизводственной дребеденью. «Информируем Вас, что в период 26 – 28 февраля органами внутренних дел будет проводиться оперативно-профилактическое мероприятие «Подросток-Улица». Прошу Вас обеспечить участие представителя Вашего учреждения в данном мероприятии». Прекрасно. Если вкратце – надо будет шарахаться вкуче с нашей доблестной полицией по территории района и выявлять малолетних негодяев, нарушающих, распивающих, раскуривающих и т. п. В принципе – все как всегда. Единственное, нужно не забыть навестить все наши замечательные семьи, а их на учете в настоящее время двадцать две. Good bye, and hooray!

Быстро сажусь набросать план проведения оперативно-профилактического рейда – Маринка подпишет его, а Сан Саныч, председатель комиссии и одновременно – глава управы района – утвердит. Хотя в именовании должности Сан Саныча акценты нужно расставить с точностью наоборот – безусловно, в первую очередь он глава управы. Да если уж говорить честно и откровенно, нашу работу он считает если не полностью бесполезной, то достаточно безнадёжной. Спорить с ним или поддерживать его мнение я пока не готов, хотя, если поговорить наедине с самим собой честно и откровенно... Но нет, нет, меня ведь ждет план!

План подписан и утвержден. Созваниваюсь с Надькой, и мы забиваемся на послеобеденное время возле ОВД – она пообещала, что нам дадут машину. Круто! Без мигалок, конечно,

но серебристую служебную «стопятнадцатую» с меланхоличным водителем Антоном. Так-то оно если и не особо продуктивнее, зато гораздо комфортнее. А пока... вот уже и время обеда.

Я – чиновник. Как это ни странно, занимаясь подобной социально-ориентированной работой, я имею статус государственного служащего. Да! С одной стороны, я государственный служащий – человек на службе государству, системе, человек в костюме и галстук, с корочкой и грузом ответственности на плечах. С другой стороны, я – чиновник, эдакое безразмерно обнаглевшее тело, сидящее на шее простых граждан нашей многострадальной России и свешивающее огромное и лоснящееся от взяток брюхо на глаза этих же беспорочных и святых граждан. Двойное впечатление, при котором, как правило, превалирует второй вариант. Поверьте, я не в обиде, все закономерно.

Но это лишь эмоции.

Если же говорить «по чесноку» (а давайте говорить именно так), я – практически нищий в этой стране человек. Судите сами – а свидетелями и господами присяжными заседателями будут не подростковые экзальтированные эмоции и озлобление пропахших дешевыми лекарствами пенсионеров, а голые и беспристрастные факты и – более того – не политизированные ни на йоту цифры.

Итак.

Те, кто когда-либо был связан в своей жизни с вооруженными силами или иными силовыми структурами, неважно, советского или российского периода (а если прикинуть, таких людей, живущих на просторах нашей страны, можно по лапкам многоножки считать – и ножек не хватит), знают, что ежемесячная зарплата военнослужащего (денежное довольствие, или, как острят прожженные вояки, «денежное удовольствие»,) состоит из нескольких элементов. Традиционно это две основных составляющих: оклад по должности (механик-водитель БМП ты или командир дивизии авиации дальнего действия), и оклад по званию (есть разница, согласитесь, сержант ты или полковник). Дальше идут разнообразные надбавки: за выслугу лет, за особые условия, за секретность – ну и еще какая-нибудь неведомая фигня. К чему я это? Зарплата современного чиновника складывается точно таким же образом.

Мой оклад по должности составляет шесть тысяч двести тридцать рублей.

Мой оклад по классному чину (см. «воинское звание») составляет две тысячи пятьсот рублей.

За выслугу лет я получаю целых девятьсот тридцать четыре рубля пятьдесят копеек.

Надбавка за особые условия труда равняется пяти тысячам шестисот семи рублям.

Моя ежемесячная премия (ну это вообще мутная тема, видимо, чтобы совсем не нищенствовать) представляет из себя аж целых двенадцать тысяч четыреста шестьдесят рублей.

Если суммировать все вышеозначенные цифры, мы получаем двадцать семь тысяч семьсот тридцать один рубль пятьдесят копеек – и все бы ничего, но ведь нельзя забывать про такую штуку, как подоходный налог, равняющийся в нашей стране тринадцати процентам. Я до сих пор не могу осознать всю суть этого шедевра финансовой мысли наших государственных мужей (или жен в последнее время). Я работаю на государство. Государство платит мне за это деньги. И тут же часть этих денег забирает вроде как на свои нужды. Иероним Босх, напиши картину!

В итоге на руки ежемесячно я получаю двадцать четыре тысячи сто двадцать шесть рублей. В общем и целом, – наверное, не самый худший вариант – да вот только совершенно случайно я знаю, что, к примеру, администратор программы на телеканале получает в два раза больше, а корреспондент там же – в три.

Такая вот математика!

А на тот случай, если нищие чиновники начнут возмущаться, мол, жить нам, сирым и убогим, не на что, существует эдакое хитрое число, которое официально называется *прожиточный минимум*. То есть, если в месяц ты имеешь эту самую сумму дохода, определенную

аж целым постановлением правительства – все, друг, ты в шоколаде! За коммуналку заплатить можешь, на пожрать денег хватит. Ну, а все остальное – от лукавого. И учитывая, что на данный момент величина прожиточного минимума в столице составляет пятнадцать тысяч триста семь рублей – я могу себе ни в чем не отказывать сверх того еще на целых девять тысяч! Ну, негодяйский чиновник, зажрался просто! Так что я вполне неплохо себе живу. Вот только, если вдруг сломается стиральная машинка или холодильник – и мне потребуются новые... А еще, если... А, стоп, чайник уже вскипел.

Сегодня в Москве настоящая зима. За выходные небо в озлоблении вывалило на зажавшихся столичных жителей не меньше трех месячных норм осадков, и теперь впору запрягать розвальни и катить с лихим ямщиком к цыганам, а не карабкаться в летних туфлях и легких брючках по колено в снежном месиве. Угрюмые дворники-таджики неторопливо сгребают тяжелый, успевший напитаться влагой оттепели снег с тротуаров на проезжую часть, затем по улице с ревом лихо проносится трактор «Белорус» с белорусом Сашей за баранкой, и весть снег опять оказывается на тротуаре. Голые озябшие деревья терзает сумасшедший беспризорный ветер, пахнет влагой, снегом, бензиновой гарью и булками с недалекого хлебозавода. Февраль!

Успев насквозь промочить ноги всего за десять минут пути, я подхожу к нашему районному ОВД. Старое здание, построенное в бывшем селе лет шестьдесят назад, не без претензии на определенное архитектурное изящество того периода, рассыпается прямо на глазах. В округлых чердачных окнах нет стекол, огромной проплешиной смотрится часть стены с отвалившейся штукатуркой. Вообще, вид здания наводит на мысль о неоднократном и, в конце концов, удачном штурме отдела какой-нибудь залетной бандой с юга нашей страны. И даже светодиодная табличка с надписью «Полиция» не спасает ситуацию.

У ворот отдела уже стоит под парами серебристая «стопятнадцатая». Антон в желтом пуховике задумчиво смотрит в зеркало заднего вида на копошащихся с лопатами таджиков, а Надька стоит возле машины и усердно пытается втиснуть пачку бланков протоколов в пластиковую папку-чемоданчик. Я подхожу, снова обмениваюсь приветственными воплями с товарищами полицейскими, и «стопятнадцатая», свистнув ремнем передачи, вслед за трактором месит колесами слякотный снег.

– Куда едем? – спрашивает Антон.

– Давай к метро, там хлебное место, – отвечает с заднего сиденья Надька. – Там четко пятнадцать метров на парковке. Не придерешься.

Антон включает поворотник и уходит под эстакаду. Мимо мелькают серые, заляпанные зимой и усталостью дома, трамваи и перила набережной.

Надька работает в отделе недавно. Когда она первый раз пришла к нам представиться-познакомиться и стала рассказывать про себя, на фразе Надьки «ну я до этого в округе работала», Маринка жестом руки остановила рассказ и, не особо церемонясь, задала вопрос в лоб:

– А чего из округа-то на землю погнали? В чем накосячила?

Надька тут же как-то сдулась, красноречие ее спряталось за отворот форменной шапки, и она без особого энтузиазма начала оправдываться.

– Да нет, почему? Ну я просто в округе на картотеке была, а что это за работа? Ну, я как-то посерьезней чего-то захотела, а на земле и есть самая работа...

Но нам уже и так все было понятно: в наш районный ОВД Надьку отправили в ссылку. Да и пускай – лишь бы не заваливала тоннами дурацких протоколов, в которых-то и состава нет и не было, как делала ее предшественница, фантастически бестолковая девица в очках на заостренном носике.

Вот мы и у вестибюля станции метро. Круглое, будто циркулем вычерченное здание безо всяких архитектурных излишеств принимает в себя и одновременно выплевывает из крутя-

щихся прозрачных дверей кучки разнообразных пассажиров. Нас, однако, интересует определенный контингент. Это школьники старших классов или студенты-первокурсники. Те, кому еще нет восемнадцати, но которые уже всю балуются сигаретками перед тем, как зайти в метро, тем самым нарушая федеральный закон об охране здоровья граждан от вредного воздействия табачного дыма. Чтобы оперативно подорваться и застучать этих негодяев в момент совершения правонарушения, Антон паркуется практически напротив входа в метро. Снег перестал, небо немного прояснилось, и Надьку в форме на заднем сиденье очень хорошо видно.

– Блин, че мне делать-то? Тут такое палево!

– Ну ты бушлатними.

– А че толку? Я же все равно в форме.

– Блин, ну да. Ну шапкуними хотя бы.

Пока Антон с Надькой решают невероятно важный вопрос маскировки, мое внимание привлекают два мужика, пытающиеся войти в вестибюль метро. Обоим за полтинник, оба одеты невзрачно и пьяны в щи. Поддерживая друг друга и нелепо размахивая руками, они почти доходят до дверей, но один вдруг как будто что-то вспоминает и начинает двигаться в обратном направлении, прямо к нашей машине. Второй, увидев такой маневр товарища, что-то буровит в его сторону и тоже, неверно ступая и пошатываясь, устремляется вслед за ним.

– Вон, смотри, какие красавцы!

Антон с Надькой прерывают свой диалог и тоже с интересом начинают наблюдать за алко-навтами.

А те и не подозревают о нашем существовании! Остановившись всего в двух метрах от капота, прямо посреди парковочной площадки, на виду у спешащих кто куда добродетельных граждан, бухарики с трудом расстегивают ширинки и принимаются обильно поливать снег и асфальт пенящейся и брызгающей в стороны мочой.

– Блин, вот придурки! – Антон начинает ерзать на сиденье. – Совсем уже охренели!

– Хорошо хоть, не на машину ссут.

– Да их вообще принять можно запросто. Где сейчас наш патрульный экипаж?

– Да ты пока звонить им будешь, они уже свалят сто раз. Ну или метровские их примут.

Антон все равно не выдерживает этого вопиющего беззакония и отрывисто сигнализирует несколько раз. Один из бухариков медленно поворачивает голову в нашу сторону, затем неторопливо встряхивает, застегивает ширинку и, окликнув собутельника, также благополучно завершившего полив парковки, ковыляет к метро.

– Блин, ну это пипец, конечно, – резюмирует Надька. – Вообще, это чисто работа ГНР.

– А с другой стороны, – начинает размышлять Антон, – вот нахера таких забирать? На прошлой неделе у нас на земле опять одного местного наркота приняли. Спиздил он опять что-то. ГНР за ним выехала, а он обдолбанный в хлам. Ну, его в отдел повезли, а пока ехали, он прямо в машине обоссался. Как мужики потом тачку отмывали, я не знаю.

– Жесть какая!

– А он вообще конченный уже, ему тридцатник, наверное, а мозги уже все растеклись. Просто дебил стал.

– А нельзя с ним что-то сделать?

– А смысл? Он же постоянно отделу палки делает. То хранение, то кража, то еще какая-нибудь херня. Ценный кадр, хоть и наркоман.

Пока мы обсуждаем будни сотрудников полиции, на нашу машину, припаркованную почти у самого вестибюля, наконец обращают внимание постовые из метро. Видимо, их привлек сигнал Антона, призванный спугнуть ссущих алкашей. Из прозрачных дверей неспешно выходит небольшого роста молодой сержант и вальяжной походкой следует к «стопятнадцатой». Надька открывает дверь; сержант, увидев капитанские погоны, несколько сдувается и бормочет:

– О, коллеги... Здравсьте!..

– Здравсьте. А у нас тут «Подросток-Улица».

– А, елки! А у нас «Подросток-Метро».

Все четверо, мы весело ржем, и сержант отправляется к себе в вестибюль. Я замечаю:

– А ведь мы у них тут клиентов перехватываем. Конкуренция!

А вот и клиенты. К метро подходят два пацана, что-то пьют («Ну-ка, что там? Коктейль? А нет, блин, газировка»), затем вынимают сигареты и беспечно закуривают.

– Все, есть! Пошли! – Надька хватает форменную шапку и пластиковую папку-чемоданчик с протоколами.

– Да погоди ты, – осаживает ее Антон. – Пацаны вроде взрослые.

– Все равно надо проверить, – торопит Надька. – Давай!

Антон меланхолично вздыхает, снимается с ручника и с визгом подлетает к опешившим пацанам. Мы с Надькой выходим из машины; пацаны, которые явно старше восемнадцати, быстро смекают, в чем дело, и стремительно отпрыгивают подальше от вестибюля.

– Вот, пятнадцать метров, все четко! Без претензий! – бородатый нарушитель ухмыляется довольно, но вежливо, и с явным наслаждением затягивается, как я успеваю разглядеть, «Парламентом лайт».

– Ребят, рискуете же, – ворчит недовольная сорвавшимся протоколом Надька. – Соблюдайте федеральный закон!

Пацаны стремительно докуривают и исчезают из нашего поля зрения. Мы садимся обратно в машину, Антон дает заднюю и останавливается на прежнем месте.

– Я же говорил, – Антон потягивается и звучно зевает.

Надька молчит; она категорически не любит признавать себя неправой. Однако молчание длится недолго – у Надьки угрожающе громко звонит телефон.

– Да! Привет. Да, я с Антоном. Мне Гришин разрешил. Нет, я ему еще с утра сказала, что у меня рейд. Он сказал: бери машину. Я вообще-то за весь отдел сейчас статистику поднимаю! А нахрена ему машина? Он сам в округ съездить не может? Не знаю. Ладно. Антон сам тебе перезвонит.

Во время Надькиного разговора Антон понимающе кивает, затем достает из кармана желтого пуховика свой телефон.

– Я же говорил, что этому придурку будет нужна машина. Я ему даже сказать ничего не успел.

– Ну а зачем ему в округ ехать?

– Ну типа вызывают свободного зама. Планы какие-то надо отвезти.

– Блин, бред какой-то. Я в округе тоже каждую неделю бываю – я что, машину себе требую?! Охренел в конец уже.

– Говорят же, что он олень полный.

– Да наши опера так и советуютговорят его на три буквы слать. Только что толку? Рейд-то у меня срывается!

– Позвони Гришину. Так и скажи ему прямо: мне не дают выполнить ваше указание.

– Ладно, тебе же все равно ехать. Просто вопрос: его только отвезти, или еще ждать придется?

– Блин, Надь, я не знаю. Если я быстро освобожусь, я тебе наберу. Где вас высадить?

Я – сторонний наблюдатель будней ОВД. Я вроде есть, а вроде меня и нет. Я слушаю этот диалог и понимаю, что мне совершенно незачем все это знать – кто из замов начальника отдела мудака, кто может ездить к вышестоящему руководству на общественном транспорте, кто мешаает отвезти какую-то тетку на продувку, а кому приходится в выходной выписывать топливные талоны для патрульной машины и ГНР. Я – будто растворен в этом низком угрюмом февральском небе, устало нависшем над моим городом; я – будто безмолвные стены грустных

панельных домов с зассаными бомжами и малолетними дураками (наш контингент) подъездами; я – среди сетки проводов над проспектом и в куче влажного грязного снега на тротуаре, который в очередной раз сгреб лихой бесшабашный белорус Саша с выбитым в пьяной драке зубом; я – в этом густом, пропахшем бензиновой гарью и ароматами дешевого парфюма воздухе; я – среди вас, ни о чем не думающих и ни на что не глядящих суетливых прохожих; я – душа этого города. Я молча еду на переднем сиденье серебристой «стопятнадцатой» нашего районного ОВД и ни о чем не думаю – ведь если очень много думать, придется опять тратить мою нищенскую зарплату на непомерно дорогой в наше время алкоголь – а ведь нужно еще заплатить за воду, электроэнергию и капремонт. Все упомянул!

Антон останавливает машину недалеко от перекрестка с проспектом, мы с Надькой вываливаемся на тротуар.

– Ну что, куда пойдём? Погода-то совсем мерзкая.

Не могу с этим не согласиться. Пока сидели в машине, ботинки немного подсохли, и ноги согрелись, а теперь опять месить снег и мокнуть... Но и отработать по плану нужно, нас же ждут – не дождутся наши подучетники. Я топчусь в кучке мокрого снега, критически осматриваю снова начавшие мокнуть ботинки и вздыхаю:

– Ну пошли к Меркулову. Какие у нас еще варианты?

Семья Меркуловых – это просто песня. Такого херового сюжета семейной жизни при всем желании придумать не получится. Он – пятидесятилетний бывший мент, инвалид. Незадолго до ухода на пенсию служил участковым в нашем районе. На своей территории Меркулов выявил неработающую гражданку Украины без регистрации, да к тому же еще и бухающую. Это была она – его будущая супруга, которая оказалась моложе Меркулова на пятнадцать лет. Принялись они бухать вместе, а вскоре и поженились. Меркулов ушел на пенсию, оформил инвалидность, и на его-то две пенсии молодая семейная пара и стала... бухать. Бухали они всегда шумно, с компанией, собирали у себя практически половину районных алкашей. Бывшие коллеги Меркулова старались особо жестко его с женой не прессовать. И все бы было хорошо и замечательно, если бы неожиданно у них не родился сын. Радость по поводу важного семейного события была такой безудержной, что в гости к новоиспеченным родителям вместе с ГНР приехали и сотрудники ПДН, которые быстро оформили пять-тридцать пять на каждого. Произошло сие знаковое для комиссии событие целых восемь лет назад.

Мы входим в темный, пропахший застоявшимся сигаретным дымом и кошачьими испражнениями подъезд. Квартира на втором этаже, грязная, с порезанной ножом обивкой, вместо кнопки звонка – торчащие проводки. Я стучу кулаком в дверь, Надька тем временем расчехляет свои корочки, чтобы не сплеховать перед бывшим коллегой-алкоголиком. За дверью – могильная тишина.

– Странно. Время уже три, ребенок сто раз должен был из школы вернуться.

– Ну хрен их знает. Щас еще постучу.

– Если действительно нет никого, пошли тогда к Смирновой.

– Ну пошли. Где их носит? Где ребенок?

Мы начинаем спускаться по лестнице, когда со стороны квартиры Меркуловых раздается щелчок замка и вслед за ним – глухое перханье. Надька тут же выхватывает из кармана удостоверение, а я уже, взметнувшись по ступенькам вверх, толкаю перед Меркуловой приветственную речь.

– Виктория Васильевна, здравствуйте! А что же Вы так долго не открывали? Да, я из кэд-ээн, вот Надежда Владимировна из полиции. Мы к Вам, хотим посмотреть, как у Саши дела.

Саша – сын Меркуловых. Ему восемь лет, он перешел во второй класс, но учеба, как и вся жизнь, дается ему непросто. Маленький, худой, вечно озлобленный и агрессивный, будто кусачий маленький зверек, он живет в атмосфере постоянных и безобразных пьянок, семей-

ных разборок, ругани и драк. Когда пьяная Меркулова орет и матерится на мужа, пеняя ему на отсутствие денег на водку, Саша заступает за отца и материт мать. Когда протрезвевший Меркулов начинает учить жизни свою непутевую жену, Саша лезет с кулаками на отца и лупит его по большой ноге так, что Меркулов орет и матерится уже на сына. В соседней комнате просыпается тоже периодически впадающий в запой взрослый сын Меркулова от первого брака, и семейная ругань вскоре переходит в пьяную, ожесточенную потасовку.

– А Саши сейчас дома нет, – еле ворочая языком, говорит Меркулова и пытается прикурить. Она пьяна в хлам, еле держится на ногах, руки дрожат, и она никак не может высечь из зажигалки искру. В квартире нечем дышать; воняет табаком, перегаром, давно не стиранными вещами и блевотиной.

– Виктория Васильевна, ну сколько раз Вам говорили дома не курить! Ну у Вас же ребенок всем этим дышит. Вы что, не понимаете, что это ничем хорошим не закончится?.. – Надька раздосадована не только видом снова пьяной Меркуловой, но и отсутствием дома Саши. Ведь без него пять-тридцать пять не составишь – события нет! Хотя если отбросить в сторону все рабочие моменты, Надьке Сашу, конечно, жалко, и уж лучше, действительно, пусть он меньше видит своих бухих родителей.

– Так где Саша-то, Виктория Васильевна?

– Они с отцом поехали... в этот... центр, как его... соцзащита который...

Мы с Надькой поочередно начинаем подсказывать:

– Цэсэо? На Станкевича?

– Или «Отрада»?

– Может, «Северная звезда»?

Меркулова хлопает пьяными, водянистыми глазами, сокрушенно мотает головой и шепчет:

– Нет, вроде не то... Не могу вспомнить... У них там занятия какие-то...

Что делает алкоголь с людьми! От регулярных возлияний, от дешевой дряни типа «Виноградного дня», «Алко» или просто сивушной водки она из молодой черноволосой хохлушки, какой я ее впервые увидел четыре года назад – а было ей тогда тридцать три года – она превратилась в пропойную, опустившуюся старуху. Бессмысленный взгляд водянистых глаз, выцветшие вылезавшие волосы, явственно обозначившаяся плешь, неестественная худоба, обрюзгшее лицо, тошнотворный запах перегара, немытого тела и слащавой туалетной воды – вот портрет матери восьмилетнего сына, никогда не работавшей и безразличной ко всему происходящему вокруг.

Я вручаю Меркуловой бланк профбеседы, ручку, и прошу поставить автограф. Она долго не может понять, где ей нужно расписаться, приходится тыкать в бумажку пальцем, и тогда дрожащей рукой Виктория Васильевна начинает выводить замысловатую вязь. Надька с интересом следит за процессом чистописания, даже наклоняет голову в попытке разобрать, что пытается изобразить Меркулова на листе, и опять же не без интереса спрашивает:

– Виктория Васильевна, а сколько Вы сейчас выпили?

Та прерывает свое занятие и поднимает на Надьку мутные глаза.

– Я? Выпила? – язык с трудом ворочается во рту, ручка падает на пол. – Да, я выпила! Рюмку водки! У меня... это... зуб болит!..

– Мда... – Надька обреченно качает головой. – Перестаньте уже пить. И не курите в квартире, сто раз говорили же!

Мы прощаемся, захлопываем за собой грязную, изрезанную дверь и поскорее выходим на свежий воздух. Я нюхаю рукав пальто, и меня чуть не выворачивает прямо в сугроб перед подъездом.

– Твою ж мать! Я весь этим дерьмом провонял!

Надька тоже брезгливо поводит носом.

– Фу, правда. Как там вообще можно жить?

– Ну что, идем к Смирновой? – спрашивает она немного погодя.

Я в ответ обреченно вздыхаю. А какие у нас есть варианты? Единственное, было бы неплохо успеть до конца рабочего дня – нет никакого желания задерживаться с этими субъектами, да еще и в промокшей обуви. Надо домой, и рюмочку перцовки!

У Надьки вдруг начинает трезвонить телефон. Отлично – к Смирновой таки мы сегодня не идем. Надьку вызвонила дежурка и попросила ее подойти в соседний с домом Меркуловых продуктовый магазин: рьяные общественники подсунули недалекой продавщице рослого шестнадцатилетнего пацана, которому та, не моргнув глазом, продала бутылку пива и пачку сигарет. Надьке нужно составить протокол, поэтому мы прощаемся и расходимся до завтра – ведь впереди еще шесть дней рейда!

Я сую под мышку папку, а руки – в карманы, бросаю взгляд на свой молчаливый телефон и стремительно начинаю дрейфовать среди снежно-слякотного месива в направлении дома. Ведь дома меня ждут сухие носки и рюмочка перцовки!

* * *

Впервые инспектором я стал не здесь, в комиссии по делам несовершеннолетних, а в наших доблестных органах внутренних дел. Ну а куда, скажите, было деваться свежеспеченному лейтенанту, стремительно уволенному в запас через месяц после выпуска из училища? Правильно, именно в милицию. Когда я пришел в отдел кадров транспортного УВД, подполковник Паршин, перелистывая странички моего диплома, задумчиво спросил:

– Вот ты знаешь, чем отличается армия от милиции?

– Да цветом формы, пожалуй.

– Именно! В точку сказал! Поэтому возьмем мы тебя на замполита роты. У нас только немного иначе называется: заместитель командира роты по кадровой и воспитательной работе. А что, зато четко по специальности!

Вот так я и попал в милицию. Правда, через четыре месяца она превратилась в полицию, а я был назначен не замом по КиВР роты ППС, а инспектором отдела морально-психологического обеспечения самого управления. И именно на этой должности немало поспособствовал этой невероятно серьезной реформе.

Наше государство постоянно боится от всякого рода возможных утечек из бюджета по вине простых, ничем не примечательных россиян. Наверное, именно поэтому в силовых структурах придумали особенные обстоятельства нахождения на испытательном сроке вновь поступивших на службу. Неважно, на какую должность ты пришел – обычный постовой, или инспектор отдела управления, или командир роты охраны – ты все равно в течение трех месяцев будешь числиться стажером по должности, и денежное довольствие в отсутствие полноценного назначения на должность и специального звания, а равно как и без учета выслуги лет, ты будешь получать чрезвычайно смешотворное – чуть меньше трети своего будущего ежемесячного удовольствия. Тебе потом, конечно, произведут перерасчет и выплатят все то, что задолжали, но впахивать первые месяцы службы за копейки... Да и действительно, это будут месяцы! Ведь сначала тебя назначат, наконец, на должность. Потом в министерство пойдет представление на тебя к первому специальному званию. Потом, наконец, тебе это звание присвоят. И вот только тогда тебе и произведут перерасчет: ешь, пей, веселись! Я ждал этого события вместо трех обещанных месяцев полгода! Блин, а вот если бы у меня были жена и ребенок?.. Какой там прожиточный минимум, говорите?

И все бы ничего – но меня ведь могли взять и без испытательного срока! Я имел воинское, настоящее звание, и должность эта соответствовала моей специальности. Но, нет, слишком легко я захотел стать ментом. Сначала нужно было посидеть на голодном пайке, впахивать

вая при этом без всяких скидок на опыт и прочие нелепые и бесполезные отмазки. И поэтому процесс превращения старой, зачуханной милиции в новомодную и высокопрофессиональную полицию я встречал стажером.

Весь этот невероятный процесс обозвали страшным словом «переаттестация».

Переаттестацию должны были пройти все сотрудники сплошь: от главы ведомства до простых *пэпээсников*. Она включала в себя тестирование по физподготовке, выполнение нормативов по стрельбе, кристально чистую биографию и, конечно, тест на знание нового закона «О полиции». Угадайте, на какой отдел возложили проведение последнего этапа? Правильно, на наш отдел МПО! И я, естественно, тоже оказался включенным в этот процесс.

Как прогнать через решение компьютерного теста, состоящего из пятидесяти вопросов, пять тысяч человек в предельно короткий срок? Правильно, составить график прохождения тестирования между отделами управления и территориальными отделами и оборудовать кабинеты для прохождения тестирования в нескольких местах. Так мы и сделали. Один кабинет мы устроили прямо по соседству с кабинетом начальника управления – в конференц-зале, а второй – в совершенно другом здании управления в четырех кабинетах нашего отдела МПО. И меня, как пока еще стажера, отправили контролировать процесс превращения милиционеров в полицейских на менее ответственную точку – на второстепенную территорию.

Вот так я и оказался причастным к этой великой реформе. В течение недели ко мне приезжали по несколько десятков человек в день из розыска, центра кинологической службы, ОСБ, территориальных отделов, криминалисты, дознаватели и начальники отделов. Это были мужики, девушки, сержанты, лейтенанты, майоры, прапорщики, и все они с мольбой в глазах садились за экран компьютера и тихонько спрашивали:

– Ну, это, поможешь?.. За нами не заржавеет!

И я помогал. Я заранее, несколько дней напролет прорешивая эти тесты, выучил все вопросы и все ответы на них. Я сразу спрашивал, на какую оценку претендует тот или иной сотрудник, подсказывал ответы и дипломатично предлагал сделать ошибку в том или ином вопросе – при этом было важно, чтобы вопросы были плевые, не содержащие основополагающих моментов закона. К тому же ошибки еще и должны были соответствовать служебному положению тестируемого. Сержант-кинолог, к примеру, вполне мог ошибиться при ответе на вопрос, какие спецсредства могут применять сотрудники ОМОН при пресечении беспорядков во время проведения массовых митингов: слезоточивый газ, резиновые пули или водометы. А вот старшему оперу, майору с выслугой более десяти лет, никак нельзя было ошибиться при ответе на вопрос, в каких случаях при проведении оперативно-розыскных мероприятий он имеет право применить табельное оружие. Большинство сотрудников, безусловно, были мне, стажеру, благодарны за такую квалифицированную помощь, и к концу всего процесса тестирования мой бюджет пополнился не на одну тысячу рублей, а домашний бар – не на одну бутылку *вискаря*. Вот так бывшие милиционеры становились высокопрофессиональными некоррупцированными полицейскими. Стоит ли говорить, что мне тоже пришлось пройти этот тест, и я нарочно не сделал в нем ни одной ошибки.

Под подушкой начинает громко и упрямо вибрировать телефон. Я с трудом разлепляю глаза, поднимаю тяжелую, как полный цинк семь-шестьдесят два, голову. На подушке большое темное мокрое пятно – и изо рта тянется тоненькая паутинка слюны. Я ошалело шарю под подушкой, наконец, ловлю уже в третий раз завибрировавший телефон. Звонит Тарасов.

– Ало, дядь, ты че там, дровичь, что ли? – раздается в моем покрасневшем отлежанном ухе бодрый голос Макса.

– Бля, Тарасов... Я еле ворочаю языком. В горле пересохло (слюна-то вся вытекла!), безумно хочется пить и спать. – Какое дровичь? Я сплю уже! Сколько время-то?..

Тарасов задорно ржет в трубку.

– Дядь, какое «сплю»? Че ты там хрипишь? Четкость звука настрой! Мы же договаривались на сегодня!

Блин, точно... Еще дней десять назад, перед тем как Тарасов уехал в командировку, мы с ним созвонились и договорились увидеться и по-человечески посидеть и поболтать у меня. Со своей безумной работой я напрочь забыл об этом важном мероприятии и теперь, выпив в целях профилактики простудных заболеваний грамм двести перцовки, спал уже какое-то время на диване. Видать, крепко меня срубило.

– Дядь, ну ептыть... Я вот выезжать собираюсь. В силе все?

– Да, Макс, конечно... Давай, через сколько ты будешь?

– Через час двадцать буду восседать за твоим столом, а крепостные откупорят нам пару бутылок домашних настоек и зажарят на вертеле кабаньих бок, все правильно?

– Хм... Насчет кабаньего бока я сомневаюсь, но выпить и закусить точно найдется.

– Ну и отлично! До скорого!

– Погоди, Максим, время-то сколько?..

Но Тарасов уже отключился, и я еще несколько минут сижу в темноте и никак не могу одуплиться. Голова гудит, дерет пересохшее горло, левая нога затекла от неудобного лежания. Так сколько время-то?..

Максим Тарасов – мой однокашник и лучший друг. После окончания училища он загремел на Балтийский флот – предполагалось, что он распределится в штаб Ленинской военно-морской базы, но пока он летел из Питера в штаб флота в Калининград, его должность сократили. Кадровик, прожженный морской волк, предложил Максиму единственную должность: заместитель командира взвода учебного полка морской пехоты в Выборге. И хотя должность эта была по организационно-штатной структуре сержантской, Тарасов, склонный изведать в жизни все, что ни пошлет ему судьба, согласился. После полугода в задрипаной части и на съемной квартире с крысами по соседству, за которую он отдавал половину своей зарплаты, Макс перевелся на корабль старшиной трюмной команды и зажил в каюте с крысами же. Зато бесплатно, и жрать давали тоже бесплатно на камбузе. Спустя еще полгода в «Русском репортере» напечатали фото Тарасова с сигаретой в зубах, развалившегося за столом и выложившего на оный ноги в уставных ботинках в кают-компанию крейсера «Аврора», после чего ему в достаточно вежливой форме предложили написать рапорт *по собственному*. С дипломом военного журналиста его сразу взяли корреспондентом в военную программу Николая Сладкова на втором канале, потом Тарасов ездил за полярный круг снимать рекламные ролики для одной компании, занимающейся добычей нефти и газа, теперь он снова устроился корреспондентом на один из центральных телеканалов и ведет свою программу. И через час двадцать этот человек позвонит в мою дверь.

Я прихожу в себя. Встаю с дивана, включаю ночник; шурясь от его неяркого света, смотрю на настенные часы. Двадцать два сорок четыре. Ну почему бы и не нагряться в гости в это время? Иду на кухню. Что тут у меня? Перцовки осталось маловато даже для одного, поэтому... Я ставлю стул, взбираюсь на него и вытягиваю из недр самой высокой полки плотно закупоренную литровую бутылку. В ней – еще дедов самогон. «Ананасовый рай», как говорил муж отцовой двоюродной сестры. Половину я сразу отливаю в пузатый графинчик, ставлю его в холодильник. Самогон тягучий, цвета очень бледного тростникового сахара, и действительно пахнет как-то сладко. На стол я ставлю старые, старше моего отца, рюмочки, похожие на перевернутые широким концом вверх пулеметные гильзы. В зависимости от освещения и напитка в них, они могут быть фиолетовыми или бледно голубыми, как осеннее небо. Мне очень нравятся эти рюмки.

Теперь надо подумать о закуске. В морозилке есть бабушкино сало, есть еще горчица и несколько зубцов чеснока. Картошки сварить, что ли... Успею же! Я шарю в глубинах кухонного шкафа и вскоре нахожу литровую баночку бабушкиного же ассорти: огурчики не длиннее

пальца, помидорки, болгарский перец, маленькие патиссоны и морковка кружками. Прекрасная баночка! А вот есть ли лук... Да, находятся и две луковицы. Я открываю банку с соленьями, выуживаю крепенький, хрусткий огурчик и большим удовольствием закусываю им очередную сегодня рюмку перцовки. Настойка жжет нутро, разгоняет тепло по всему телу, а огурец так восхитительно пахнет летом, бабушкиным домом и детством... Голова начинает работать в полную силу, и я понимаю, как ничтожна и никчемна была мысль просто нарезать сало и сварить картошку. Лук есть? Есть! Пару яиц найдем? Так точно! А не забрать ли нам в этой связи народное литовское блюдо кугялис? Еще как забрать, товарищ инспектор!

Я в приятном возбуждении и предвкушении сытной, горячей закуски под дедов самогон и журналистские байки Тарасова потираю руки, набрасываю в раковину лежалых, начавших прорасти картофелин... Главное – не тупить и делать все быстро.

А делать надо вот что. Картофель чистится и натирается на крупной терке. Пока происходит процесс натирания, необходимо параллельно запускать второй процесс, для которого сало нарезается мелкими кубиками, а лук – несколько покрупнее. В сковородке сало растапливается и превращается в шкварки, а лук обжаривается в растопленном сале. После этого свеженатертая, еще не успевшая потемнеть картошка отжимается от жидкости и укладывается в глубокую форму для запекания. К картошке мы добавляем сало с луком и шкварками, два сырых яйца, обильно все перчим и слегка (если сало соленое) солим. Смесь хорошенько размешивается и отправляется в уже разогретую до ста восьмидесяти градусов духовку, где ей предстоит простоять ровно шестьдесят минут. Спустя вышеозначенное время на вашем столе оказывается кугялис – незатейливое, но невероятно вкусное и сытное блюдо, прекрасным дополнением которому станут бородинский хлеб, домашние соленья, дедов «ананасовый» самогон и компания Максима Тарасова. Лучше и не придумаешь!

Раздается звонок в дверь. Кугялис уже дымится на столе, запотевший графинчик занимает свое почетное центральное место, старинные рюмочки заманчиво переливаются густым фиолетовым оттенком. Я бодр и свеж, и готов к бессонной ночи – бабушкин огурчик и готовка в стахановском темпе вполне привели меня в должное состояние, и даже начавшие было проявляться признаки простудных заболеваний куда-то стремительно исчезли при одной лишь угрозе продолжения терапии народными средствами. Тарасов, лысый и бородатый, с неизменным рюкзаком за плечами и серьгой в левом ухе, шумно приветствует меня, галопом рвется пописать, а затем дрейфует в направлении кухни, не переставая засыпать меня вопросами.

- Дядь, че трубку-то не брал? Дрочил, стопудово!
- Как дела-то у тебя?
- Опять кого-нибудь родительских прав лишил?
- Как там алкоголики твои поживают?
- Инспектор, бля!..

Мы усаживаемся за стол. Уже скоро час ночи, но в фиолетовые рюмочки льется тягучий напиток из запотевшего графина, по тарелкам разложены благоухающий кугялис и разноцветные соленья, и Тарасов, взяв в руку рюмку, принимает и на всякий случай уточняет:

- Сэм, что ли? Тогда по *половиночке*.

Пьем по половиночке, едим. Хрустят огурцы, быстро дуется на горячий кугялис, отламываются кусочки хлеба. Молчим. Наконец Тарасов нарушает молчание. Он тянется через стол и пытается хлопнуть меня по тому месту, где когда-то у меня был небольшой пивной живот.

– Ну что, пузо, а? – Тарасов довольно ухмыляется и трясет рыжеватой бородой. – Как твои дела-то, а?

- Да у меня как всегда. Что может произойти сверхъестественного? Ты как съездил?

– Я заебись съездил. Но погоди. Я все время спросить хотел... – Тарасов делается невероятно серьезным. – Вот если бы у тебя был ребенок, а ты бы тут бухал, тебя бы можно было лишить родительских прав? Или ты бы сам себя лишил?

Макс ржет, довольный очередным подколом, я устало машу на него рукой, и мы снова выпиваем по половиночке.

– Давай, за твою работу.

– И за твою.

– За наши работы!

Как хорош дедов самогон! Тарасов тоже вполне это прочувствовал, а потому предлагает вновь наполнить рюмки, но все равно не отстает со своими дурацкими расспросами.

– Ну ты все равно мне объясни, как это все происходит? Что я могу делать, а что нет? Кого могут привлечь там, лишит, посадить?

– Ну как тебе сказать? Ситуации у нас бывают всякие. Ну, к примеру. У тебя есть ребенок...

– Не, у меня нет.

– Ну, у Васи Пупкина есть сын. Гражданин Пупкин пришел с работы заебанный, сел ужинать – а жена ему котлеток нажарила. Сочные такие котлетки, мясные, с корочкой. И под эти замечательные котлетки изволил гражданин Пупкин выпить две рюмочки. Не пьяный стал, нет. Сытый и добрый. И решил он тут спросить, а как у Василь Василича Пупкина, то есть его сына, дела в школе. И узнал гражданин Пупкин, что Василь Василич двойки получает, девчонок за косички дергает и кнопки на стул учителю кладет. И решил тогда гражданин Пупкин непутевого отпрыска научить Родину любить, вытащил из брюк широкий ремень и ударил оным по мягкому месту Василя Василича всего-то два раза. А все дело было в том, что Василь Василич к тому моменту хоть и продолжал дразнить девчонок, но все двойки исправил и перед учителем извинился. И стало поэтому Василь Василичу сильно обидно, что многоуважаемый папаша за просто так коснулся его мягкого места своим широким ремнем, и заревел Василь Василич от обиды белугой на весь многоквартирный дом. И как на грех, за стенкой от квартиры гражданина Пупкина жила пизданутая старушка Антонина Ивановна, кормившая возле продуктового магазина пшеном голубей и державшая в своей квартире тринадцать драных, вечно голодных и всюду ссущих кошек, которая, услышав вопли Василя Василича, судорожно схватилась одной рукой за сердце, а второй рукой – за телефонную трубку, и вызвала службу «02». В дежурной части районного ОМВД вскоре приняли сообщение об избиении несовершеннолетнего по такому-то адресу, и бравые полицейские в составе ГНР и инспектора по делам несовершеннолетних стремительно выдвинулись по указанному адресу.

На этом увлекательном месте я шумно выдыхаю, хватаю оставшуюся с половиночкой рюмку и, не чокаясь с Тарасовым, стремительно ее осушаю, пытаюсь заесть румяным помидором и роняю его с вилки на колени. Под мои отчаянные матюки помидор сползает с колена и с влажным чпоканьем шлепается на пол. Тарасов ржет, пьет свою половиночку, трясет в разные стороны бородой и спешно закидывает в рот начинающий остывать кугялис. Картина маслом.

Я, конечно, тоже ржу, подбираю с пола растекшийся помидор и продолжаю прерванное повествование.

– Ну так вот. Пизданутая старушка вызвала «02», и к гражданину Пупкину на сообщение о жестоком обращении с детьми приехала ГНР вкупе с инспектором по делам несовершеннолетних. Сотрудники полиции, бесцеремонно гремя АКСУ, не разувшись и не надев на ботинки бахилы, проследовали вглубь квартиры Пупкиных и застали там хотя и неприглядную, но относительно спокойную картину. Василь Василич, дважды слегка ударенный отцовским ремнем, еще всхлипывал больше от обиды, чем от боли, благоверная супруга надрывно капала в рюмку валерьянку, а глава семейства хотя и был вполне разумен и адекватен, источал таки из себя запах рюмочек иного содержимого. Мужики из ГНР сразу откровенно заскучали, а тетенька старший лейтенант, не усмотрев в произошедшем состава преступления, предусмотренного статьей сто пятьдесят шесть Уголовного кодекса Российской Федерации, быст-

ренько состряпала протокол об административном правонарушении по части первой статьи пять-тридцать пять Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, приложив к нему объяснения на отдельных листах самого гражданина Пупкина, его благоверной супруги, потерпевшего Василь Василича и пизданутой старушки Антонины Ивановны. Итог всего этого безобразия – постановка на учет в ОВД на полгода и на год в КДН, визиты домой работников соцслужбы и прочие прелести. Вот так вот, ептыть.

– То есть у нас в стране ювенальная система работает-таки?

– Да что ты, какое там! Ювенальная юстиция – это когда произошел вот такой же случай, как в семье Пупкиных, только там никто протокол составлять не стал, а ребенка тупо сразу изъяли и поместили в приют. И на следующий день в суд вышли с иском об ограничении негодяя папаши в родительских правах. А у нас – что ты, такого никогда не будет! У нас, даже когда реально надо ребенка из семьи забрать, опека пальцем в носу ковыряется и ждет у моря погоды. Вот, к примеру, есть у нас тут семейка алкашей. Ребенок дома одним сигаретным дымом дышит, у них драки постоянные, скандалы, родители не работают, один из них вообще инвалид на пенсии – а никто не собирается их родительских прав лишать. Нахера? Все ж нормально!

– А ты что, не можешь их лишить? В своей комиссии?

– Нет, не могу. Эти полномочия есть только у органов опеки. И мы на них влияния почти никакого не имеем. Хотя и работаем в тесном межжведосственном взаимодействии. А, ну в жопу это все. Наливай!

– А я вот в этот раз в Нижнем был, – неожиданно начал свой рассказ Тарасов после очередной половиночки. – Ездили снимать на красную зону, где один молодой священник добровольно занимается с ними всякой просветительской работой. Ты прикинь, да: сидят там эти взяточники, менты продажные, сволочи конченные, а им батюшка про любовь там, смирение, добродетель вещает. Хотя, с другой стороны, ему это просто по приколу, походу. Я ему такой: «отец Дионисий, отец Дионисий», а он в ответ: «Да ладно, че ты паришься, зови меня просто: отец Дэн!». Вот так, отец Дэн, бля!

Графин опустел уже наполовину. Закуска остыла, я ставлю кугялис на плиту, чтобы разогреть. Жрать во втором часу ночи – занятие, конечно, сомнительной пользы для организма, но жить вообще, знаете ли, вредно, так что...

– Так что давай еще по половиночке, Макс!

Борода опять мотается из стороны в сторону, хрустят огурцы, и Тарасов продолжает.

– Потом, когда уже все отсняли, я у отца Дэна спрашиваю, мол, простите, может Вы не в курсе, но вдруг знаете – где у вас тут заведения есть нормальные, чтобы и поесть, и попить прилично? А он в ответ: «Да не парься, у меня брат на трассе, на выезде из города, толковый кабак для байкеров держит, я там тоже у него пару раз в неделю тусуюсь, так что угощение для тебя бесплатно». Я на него вылупился, а он так мечтательно глаза закатил и продолжает: «Эх, в молодости, помню, тоже нехило борогозили, и на байках, и по-всякому... Ну а сейчас не то уже, конечно».

– Ну, и чего?

– Чего! Приехали мы в этот кабак, а там реально байкеры, бородатые, в коже, только они модернизированные все, типа православные. Флаги с крестами, кресты на косухах, а у одного на спине вообще череп с костями и написано: «Православие или смерть». Пиздец, короче. Костя с Антоном, оператор и звукач, туда идти вообще наотрез отказались, говорят, мы лучше беляшей на трассе пожрем, ну а мне пришлось, без вариантов было. Отец Дэн довольный, обнимается со всеми, целуется, я тоже вежливо бородой трясу. Выпил пива быстро, чет сожрал – и свалил поскорее.

Тарасов шумно вздыхает и горестно качает головой с невеселой усмешкой:

– Отец Дэн, бля...

За окном – город. Серый, грязный, невзрачный от завалившего все улицы и дворы снега. Сугробы засаны многочисленными таксами и чихуа-хуа, у метро торгуют горячими чебуреками и уцененными журналами. День и ночь напролет по дорогам мчатся или безнадежно стоят в пробках разномастные машины. Куда, зачем? Электрички вываливают на станциях толпы подмосковных пассажиров, сияют рубиновые звезды Кремля, и на маленьких кухнях спорят о политике, пьют и о чем-то мечтают. О чем мечтаю я? Мечтаю ли я?

За окном – город. Город, в котором я вырос, город моего детства. Кучи тополиного пуха во дворе, скрипучие качели и «паутинка», вечно ремонтирующие свои раздолбанные «Жигули» соседские мужики, потерянная в школе сменка, свист стрижей летним вечером и развесистая береза напротив окна... Где этот город? Теперь вокруг меня боль, горе, безразличие, тупость и уныние, граничащее с помешательством. Кто сможет хоть что-то изменить? Где найти такого гения? Кто им станет? Тарасов? Надька из ОВД? Сан Саныч? А может, отец Дэн?

В окне – город. Задремавший, нахохлившийся, будто воробей морозным вечером на загаженном голубями подоконнике. Огромный, необъятный и непонятный, манящий и отторгающий, полный человеческих радостей, горя, слез, смеха, похоти, глупости и суеты. Это – мой город. Я – его душа.

Я пьян, и пьян Тарасов. Мы уже спим – я так же на диване, он на надувном матрасе. Перед глазами несутся кони, полуголая баба бесстыдно виляет бедрами, чья-то волосатая смуглая рука грубо хватает ее за рыхлую задницу, и в этот момент Иосиф Кобзон срывает с головы курчавый парик и обильно в него блюет. А потом кони превращаются в гривастых православных байкеров, отец Дэн вращает дымящееся кадило наподобие пращи, а гражданин Пупкин сидит на маленькой кухне и безудержно плачет, потому что сегодня суд постановил лишить его родительских прав в отношении единственного сына.

А за окном – город.

* * *

Завтра – очередное заседание комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Завтра мы примем на себя ударную волну презрения, неблагополучия и агрессии, а чтобы процесс этот был обставлен всеми необходимыми церемониями, я сижу и готовлю материалы к заседанию. За две недели, прошедшие с прошлого заседания, нам поступило совсем немного материалов, но зато все они так и сияют разнообразием статей. Вот отказной материал по части первой статьи сто шестьдесят семь УК РФ: девчонка в школе фотографировала пацана, а тот психанул и расхерачил об стену ее айфон пять-эс. Родители девчонки написали заяву в полицию. Вот информация по шесть-двадцать четыре: девчонка курила возле подъезда своего дома. И хотя, по большому счету, состава административки в этом нет, так и протокола нет. Но девчонку в ОВД все же доставили. Рассматривать придется. А вот намозоливший уже глаза пять-тридцать пять. Что там опять, кто там? Так... шестнадцатого... во столько-то... находясь по адресу... не исполнял. Ага. В отношении своих несовершеннолетних... ага. Так. Ага. Понятно. Все как всегда. Только персонажи новые.

Раскладываю протоколы с объяснениями по отдельным файлам, быстро стучу по клавишам, печатая повестку заседания. Приглашение членам комиссии разослано уже вчера, повестки я разнес в пятницу на прошлой неделе. Все не так уж и плохо! Я метаю взгляд в висящий за моей спиной календарь, для чего приходится не без риска грохнуться на пол развернуться в кресле на сто восемьдесят градусов, и вижу пометку рядом с сегодняшним числом: «Светоч». Твою ж дивизию! А я, было, совсем запамятовал. На сегодня я договорился с ними сверить личные дела наших подучетников, поэтому уже прямо сейчас надо собираться. Благо, идти совсем недолго – пять минут, а я все-таки не люблю опаздывать куда бы то ни было.

Маринка печатает прекращенки, я напоминаю ей про сверку, и она машет рукой: отстань, не мешай, иди, только запишись. Что я и делаю.

Центр социальной помощи семье и детям «Светоч» – учреждение, подведомственное Департаменту труда и социальной защиты, работает на восемь районов, однако головной полноценный центр обслуживает только один район. В остальных работают лишь его филиалы, которые, имея в штате в пять раз меньше сотрудников, должны, тем не менее, выполнять все те же функции, что и головной. Это – результат очередной оптимизации, проведенной, как и положено, исключительно в целях повышения качества предоставляемых услуг населению. И в этом никто даже не думает сомневаться.

Когда-то, когда наш районный филиал «Светоча» был просто детским отделением Центра социального обслуживания, я работал в нем специалистом по социальной работе и вел те же самые неблагополучные семьи. От прежнего нашего достаточно неплохого коллектива в центре теперь работают только трое: заведующей стала Танька Григораш, выпускниками детских домов занимается Ирина Анварова, а юрист – по-прежнему Максим Михальч. Психолог Светлана Санна не выдержала и ушла на полставки, но и это, видимо, уже ненадолго. По телефону Григораш сказала, что у них новая девчонка – как раз по неблагополучным. Что ж, полюбоществуем.

В центре ничего не изменилось. Те же снующие с тележками на колесиках соцработники, те же шамкающие, плохо пахнущие бабки, которым вежливо кричат почти в ухо: «Марья Петровна, пенсию Вы не у нас будете получать, а в Сбербанке или на почте!!», те же обшарпанные стены – все то же, что и два года назад. Барабаню пальцами в знакомую дверь, за которой сам просидел не один год, вхожу. Тут же, прямо с порога, меня встречают огромные, влажные глаза, выглядывающие из-за монитора, в глубине которых, я явственно это чувствую, скрывается бездна Великого Му. И, по всей видимости, это и есть новый сотрудник «Светоча».

– Вы что-то хотели? – раздается из-за монитора.

– Да. Хотел. Я инспектор КДН. Здравствуйте, – и я представляюсь.

– Елена, – в ответ говорит она и, минуту подумав и пару раз хлопнув глазами Великого Му, добавляет, – Ивановна.

Елене Ивановне, на вскидку, никак не больше двадцати пяти, поэтому я предлагаю перейти на «ты».

– Тебе Таня говорила, что я приду сверять личные дела? Она сама где?

– Они вроде на обследование пошли...

– Ну понятно. Ты давно здесь работаешь?

– Да вот, с двадцать первого числа.

– Раньше работала в этой сфере? Знакома со спецификой?

Мог бы не спрашивать. Великое Му так и сквозит изо всех углов кабинета. Когда-то давно, даже уже и не помню, при каких обстоятельствах, мне попался небольшой трактат на тему то ли корейской, то ли японской философской школы. Так вот, термин «Му» в этом труде трактовался, в том числе, как *абсолютное ничто*.

– Тогда давай так. Я сейчас тебе вкратце обрисую схему взаимодействия, а потом сверим личные дела. У вас, честно говоря, последние пару месяцев вообще по этому направлению почти ничего не делали.

Итак. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав – это коллегиальный орган, координирующий работу по профилактике семейного неблагополучия и уполномоченный рассматривать административные и уголовные дела, касающиеся несовершеннолетних либо их законных представителей. К примеру, пацан покурив на детской площадке, тем самым нарушив федеральный закон. Наряд полиции доставил его в ОВД, а инспектор ПДН составил протокол об административном правонарушении. Другой случай. Два пацана повздорили, и один другому набуцкал так, что того увезли в больницу с ЗЧМТ и СГМ. Родители потер-

певшего написали заявление, итог – усматривается состав преступления по сто шестнадцатой, то есть побои. Но пацанам по тринадцать лет, а уголовная ответственность в данном случае наступает только после шестнадцати. Поэтому инспектор ПДН выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава. Есть такое дело. Следующее. Девчонка не ходит в школу, куча неаттестаций. Школа нехило встревожена и пишет письмо в ОВД. После этого социальный педагог совместно с инспектором ПДН выходят в семью, где живет эта негодяйская ученица. Выясняется, что мамаша девчонки регулярно кvasит и не следит за посещением школы дочери. На мамашу инспектор ПДН составляет административный протокол по пять-тридцать пять, то есть ненадлежащее исполнение родительских обязанностей. И вот потом все эти протоколы и отказные приходят к нам, в КДН. Эти материалы рассматриваются на заседании комиссии, и только комиссия, которая, повторюсь, является коллегиальным органом и состоит не только из председателя (это глава управы), зампредседателя (это замглавы управы по работе с населением), ответственного секретаря и инспектора (это мы с Маринкой), но и из представителей других организаций и учреждений: окружного центра физкультуры и спорта, районного спортивно-досугового центра, центра «Светоч», вас то есть, детской поликлиники, ОВД, совета ОПОП (общественные пункты охраны правопорядка), социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних, муниципальных депутатов, наркдиспансера, школы и органов опеки и попечительства, – только комиссия может принять решение, что с тем или иным случаем делать. Как правило, несовершеннолетних негодяев, которые так или иначе накосячили, мы направляем для проведения с ними социально-воспитательной работы в «Парус» – это наш районный спортивно-досуговый центр. Если накосячили родители – мы направляем их к вам для проведения индивидуально-профилактической работы со всей семьей. Все эти меры воздействия прописываются в постановлении КДН, которое, замечу, обязательно для исполнения. В противном же случае неисполнивших ждет административное производство и штраф.

Когда вы получили копию постановления, ваша задача – выйти в семью с актом обследования в течение четырнадцати дней, и в этот же срок разработать план индивидуально-профилактической работы с семьей. В этот план надо включать ваши мероприятия, работу специалистов школы, ОВД, если родители пьют – консультацию нарколога и так далее, каждый случай индивидуален в своей конкретике. План этот утверждается на очередном заседании комиссии, и вы приступаете к его реализации, отчитываясь по результатам ежеквартально. И вы должны сами следить за сроками, мне совершенно не охота каждый раз пинать и напоминать. К слову, а может и во-первых, весь этот алгоритм работы прописан в Регламенте межведомственного взаимодействия, который касается КДН, соцзащиты, опеки, образования, здравоохранения и ОВД. Вот так, если коротко.

Елена Ивановна моргает на меня влажными глазами, и у меня начинает появляться стойкое ощущение, что, даже уволив предыдущего сотрудника и взяв нового, «Светоч» работать лучше не станет. А ведь когда-то...

– На самом деле, все не так страшно, – я решаю немного сгладить весь ужас навалившегося на Лену. – Я сам еще два года назад здесь работал, как раз тем же, чем ты сейчас, занимался. Поэтому прекрасно знаю все, так сказать, нюансы. Я так же понимаю, что нормально вести все семьи на сто процентов просто невозможно. И вот именно поэтому документы должны быть в идеальном порядке. Как говорится, провел мероприятие – напиши отчет, не провел – напиши два. Самое важное сейчас – подбить все документы за твою предшественницу, подчистить хвосты, так сказать. Чтобы ни у вас, ни у нас проблем потом не возникло. Есть такое дело?

Лена молча кивает.

– Тогда тащи сюда личные дела.

Начинается возня. Лена роется в сейфе, на столе у себя, на столе у Максим Михайла, шарит по полкам шкафа. Я сижу и представляю, как в «Светоч» приезжает проверка из городской комиссии с господином Белоусовым во главе и, видя подобные безнадежные и безуспешные метания в поисках нужных документов, он начинает истерить, писать представление и требует уволить всех по статье, а заодно и гребаную районную КДН, которая ни черта не контролирует и попустительствует. В общем-то, он даже будет прав.

Наконец Лена приносит мне стопку папок-скоросшивателей. Я потираю руки и начинаю заочно знакомить ее с лучшими представителями нашего общества. При этом я прекрасно понимаю, что делать это должен вовсе не я, а заведующая «Светочем» Танька Григораши. Но... но пусть уж все будет если и не по инструкции, так хоть по-человечески. Надеюсь, это поможет изгнать из кабинета призрак Великого Му.

– Так, кто здесь? Ага, Меркуловы, замечательная семейка. Была уже у них? Нет? Ну тебе еще предстоит. Главное – не блевани от запаха.

– Так, Семенова. Девка не учится в школе, мамаше похеру. С отцом в разводе, но он прописан у них и пару раз в месяц приезжает ночью бухой и буянит. И да, они разводят тараканов. На весь дом уже развели, селекционеры, блин. Здесь не хватает отчета за четвертый квартал.

– Войнович. Пацан проломил кирпичом башку другому, был отказной за возрастом. По нему вы даже плана не сделали. Надо исправить.

– А это у нас... о, Гогашвили! Маленький телефонный террорист! Прошлой осенью сообщил о заложенной бомбе в школе, а в какой, не уточнил. Эвакуировали все четыре районные школы! Отказной по триста шестой, за заведомо ложный донос. Родители в разводе, мать его воспитанием не занимается, устраивает личную жизнь по новой. Главный редактор на СТС, кстати.

– Вот, прекрасная семья. Барабановы. Мать – соцработник в соседнем районе, бухает. Двое детей, сыну скоро восемнадцать, младшая две тысячи третьего года. Старший постоянно вызывает «02» из-за скандалов с матерью, она пишет на него встречное заявление. Обоюдка, отказные, пять-тридцать пять. Развлекайся – на них тоже нет плана и отчетов за два квартала.

– Так, теперь Сизова. И ее гражданский муж Васин. Это вообще отдельный и невеселый разговор. Оба – наркоманы. У Сизовой есть старшая дочь, но живет она у ее матери. Общий с Васиным ребенок – тоже девочка, ей всего год. Опекать как-то не особо сильно чешется, а протоколы на них ОВД клепают только в путь. И, боюсь, ничем хорошим это все не закончится. Так вот...

Я пролистываю еще несколько скоросшивателей с личными делами с краткой характеристикой семьи и ремарками о том, что нужно исправить и дополнить. Но вот личные дела кончаются, а я еще не рассказал о семи семьях!

– Лен, а где у вас еще личные дела?

В ответ из раскрытого настежь сейфа опять начинает сквозить Великое Му.

– В общем, так. Судя по всему, твоя предшественница даже не завела личные дела на те семьи, которые мы поставили на учет в конце прошлого и начале этого года. Просто прекрасно! А ведь копии постановлений и социальный паспорт на всех я направлял. Ищи эти документы.

К моему великому удивлению, документы не находятся. Елена Ивановна обреченно шелестит бумажками, заглядывает в какие-то папки... Меня посещает внезапная догадка: она ведь даже себе не представляет, как визуально выглядит постановление КДН! Пытаясь подавить в себе закипающее раздражение, я резюмирую результат встречи.

– Так, понятно. Документы ты найти не можешь. Спроси остальных. Позвони, наконец, Юлии Владимировне. Твоя задача сейчас – найти эти документы и сформировать личные дела. И планы нам принести. Как они должны быть сформированы, как выглядят документы – вот, я тебе только что показал, изучай, развлекайся! Срок – до следующего понедельника!

А ведь «Светоч» просто-напросто охренел, и это мягко сказано! Уверен, что Маринка, когда узнает о результатах сверки, тоже взбесится и вlepит-таки на этих особо дельных товарищей представление. Нельзя по-человечески, ну никак нельзя. В итоге окажешься крайним с этой своей никому не нужной человечностью. Наивный чукотский юноша! В конце концов, в прошлом году Маринка сделала три (!) представления на «Парус» – и ничего, сейчас даже работать стали. И «Светоч» начнет работать!

А вообще, опять же говоря по чесноку, реально хреново не то, что они просрочили кучу документов, а то, что с этими неблагополучными семьями действительно никто не работает. Когда кто-то из сотрудников «Светоча» крайний раз был у Меркуловых? Когда они были у Смирновой? А к Сизовой, наркоманке, кто заходил?! Проводил ли кто-то с ними разъяснительную работу, контролировал ли посещаемость школы, бухают ли родители и не умерли, вообще говоря, дети с голода?! Кто, бля, это проверял?!..

Иду по улице в расстегнутом пальто, мороз слегка прихватывает через рубашку. Плохо, все реально плохо. Только никто в этом не признается, ни здесь, на земле, ни наверху. А наверху этого всего, ко всему прочему, и не видят. И даже, сука, не подозревают, какой пиздец тут творится. В школах учат какой-то ереси. Дети не успевают осваивать программу, и поэтому теперь так много платных (платных, Карл!) дополнительных занятий в школе, которые ведут сами учителя. В центрах социального обслуживания ликвидировали отделения социально-медицинской помощи, сотрудники которых занимались обслуживанием на дому лежащих инвалидов, которых по каким-то причинам не положили в стационар. Это были люди с дипломами медсестер, они меняли памперсы, протирали от пролежней, делали уколы. То есть оказывали первичную медицинскую помощь, плюс еще оплачивали (не из своего кармана, разумеется) квитанции за коммуналку, ходили в магазин, убирали квартиру, даже могли приготовить еду и накормить... Что там скажешь, адская работенка, но, тем не менее, ее кто-то делал. А теперь этим заниматься некому. Хочешь, чтобы тебе памперсы меняли и уколы ставили – ложись в больничку. Не берут – ну так и быть, подыхай. Подыхай! Не нужны нашему государству инвалиды, на них херову тучу бюджетного бабла тратить нужно. Пустьдохнут тихой!

Я, каюсь, не очень люблю этих противно брюзжащих и пахнувших старостью пенсионеров, неторопливо кочующих из поликлиники – в сберкассу, из сберкассы – в магазин, из магазина – на рынок, с рынка – в пенсионный фонд или собес, а оттуда – на почту, но все равно, господа, так по-скотски относится к ним нельзя. Нельзя, ебта!

По Москве сократили специализированные бригады «скорой помощи». Теперь обычная бригада, состоящая из водилы, который лишь крутит баранку, фельдшера со стажем и практиканта – студента старшего курса медицинского колледжа, выезжает на все подряд случаи. Прихватило сердечко у старушечки – вперед, после – сразу на понос и рвоту у годовалого ребенка, следующий клиент – обоссанный и заблеваный бомж с гнилыми зубами и гангренной ногой, после бомжа, не успев толком отмыть салон машины – на предродовые схватки или, если совсем уж повезет, на крутое ДТП с оторванными конечностями, которые им же и придется по трассе собирать. И главная задача – не столько качественно оказать помощь, сколько как можно быстрее довезти до больнички, чтобы поскорее сдать в приемное отделение. Ведь если пациент *засмурится* в машине – потом за всю жизнь не отпишешься. А недавно кому-то наверху в голову долбанула просто гениальная мысль: давайте в целях экономии сократим водил на «скорой», и рулить будет как раз фельдшер! Охуенно просто, что тут еще скажешь!

Зачем в полицию берут столько теток-постовых? Особенно в мое родное УВД. Ребят, вы зачем их на службу берете? Разве этот постовой с дамской сумочкой через плечо выглядит как представитель власти? (Бля, как меня это бесило и бесит! Воспитанный в хороших воинских традициях касательно формы одежды – спасибо кадетке – в бытность свою инспектором отдела МПО и проверяя несение службы, я нещадно вписывал в служебные книжки замечания таким

вот полицейским фифам. Нет, я совсем не против женщин. Но здесь речь не об отношениях к противоположному полу, а к вопросу профессионализма. Не носят женские сумки с формой! Не положено это по уставу! Или ты что, завидев правонарушителя, сумочкой его по башке пизданешь? А пизданешь ли вообще? Сможешь ли хоть что-то сделать против пары в меру пьяных, но агрессивных крупногабаритных дебоширов? Достанешь из кобуры пистолет? Убери его назад, дура неадекватная, за всю жизнь же потом не отпишешься!) А ведь в соответствии с тем самым законом «О полиции» сотрудник, находящийся при исполнении своих служебных обязанностей, является именно что представителем власти. Власти! Я в свое время наслушался множество замечательных историй про женщин-милиционеров, служивших постовыми в нашем УВД. Хорошо, хоть, лично не пришлось столкнуться. Определенно, хорошо.

Во втором отделе служила постовым некая барышня. Барышня была из провинции, глупенькая, и больно податливая перед мужиками. Где она только не еблась! Даже во время несения службы, бывало. Серега Горбунов, в ту пору инспектор ППС, постоянно пытался как-то на нее повлиять. «Я ей говорю, – взломав брови и разводя руками, рассказывал Серега, – ну нахера ты это делаешь? Что ты, „нет“ сказать не можешь? Знаешь, что она отвечала? Ну как я, говорит, им откажу? Они ж мужчины, они сильные... Понимаешь, какое дело?». В один же прекрасный день барышня просто сама себе вызвала скорую прямо из постовой будки и уехала рожать. «Кто отец-то хоть?» – пытался вызнать доброжелательный Горбунов. Но не могла барышня ничего пояснить по этому вопросу.

Как-то поступила на службу в «шестерку» (шестой отдел) одна дамочка. Симпатичная вполне, ножки там, сиськи тугие. Вот только брала почему-то только дневные смены. Ну, всякое бывает, мало ли что. А потом выяснилось, что днем она в милиции служила, а по ночам подрабатывала. Вышли как-то на «Тверской» в переход постовые из «двойки» народ пошугать, бабла посрубать. Смотрят: стоит девочка, работает. Ножки там, сиськи тугие. Они к ней, а там им в морды ксиву: свои, мол, шестой отдел. Ну и ладно, мы своим не мешаем. Вот только вскоре сняли ее четверо горячих кавказских парней, увезли в Щукино и отымели всем аулом, и денег даже не дали. Да еще и ксиву забрали. Пошла тогда девочка по линии тех же связей плакаться в ОМОН. Парни сработали оперативно, подняли на уши весь район, четверых горячих кавказских парней сами отымели вместе со всем аулом и ксиву назад забрать не забыли. А девочка после этой истории рапорт-то написала и уехала обратно в свою Омскую область. Тогда-то вдруг и решили ее по ЗИЦ пробить. А оказалось (бабушки-светы, вот конфуз-то какой!), что в родной Омской области у нее три эпизода по шесть-одиннадцать КоАП.

Нахуя женщин в постовые берут?

Я прихожу в управу уже к обеду. Чиновники постепенно отрываются от служебных дел и начинают усердно думать о хлебе насущном. Я тоже, будучи полноценным чиновником, с не меньшим усердием думаю о жареной картошке, спрятанной в лоточке в общем холодильнике, распахиваю обычно открытую дверь нашего кабинета и сразу вижу перед собой скачущего между столами Юру.

Ну хоть что-то позитивное случилось в это утро!

Юра – мобист управы. Сотрудник, отвечающий за мобилизационную подготовку населения, учреждений, организаций и предприятий всего района. Точнее, отвечает-то за все это один хрен глава управы, но именно Юра работает, по сути, в этом направлении.

Юра – мой ровесник. Но это не так важно, это просто дополнение ко многому общему, которое у нас с ним обнаружилось.

Юра окончил московское СВУ. И хотя у нашей кадетки были постоянные терки с *сурой*, сейчас, спустя десять лет после окончания, это не имеет никакого значения.

Юра окончил Военно-космическую академию в Питере. То есть в полной мере хлебнул разудалой курсантской жизни в столичном городе, а потом, распределившись на Дальний

Восток, отказался занимать сержантскую должность (тогда же как раз бушевала «экономически выгодная» реформа Медведева-Сердюкова, отправившего херову тонну обученных и, в общем, мотивированных к службе офицеров в запас) и уехал обратно в родной город. Поработав некоторое время в аппарате одной из ключевых в стране политических партий, волею судеб он оказался мобистом в управе нашего района.

Мы сразу, вкупе с Маринкой, нашли с ним общий язык.

Да, кстати, о Маринке.

Марина Александровна Петрова, ответственный секретарь комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, старше меня на пять лет. Маринка замужем, и у нее растет дочь. Маринка окончила московскую академию МВД и год служила дознавателем в одном из отделов на севере столицы. Однажды на их земле МУРОВские опера взяли вора в законе по прозвищу Барин и, естественно, доставили его в местный ОВД. Отдел дознания начал уголовное производство (а взяли Барина, кажется, с наркотой), но вскоре все необходимые вопросы были оперативно решены, и в КПЗ вместо Барина присел какой-то лох. Естественно, что на лапу получили и начальник отдела, и начальник ОУР, и отдел дознания в полном составе. Маринку спасло только то, что в это время она валялась на больничном с переломом мизинца на левой ноге. Когда спустя трое суток дознание вышло в суд с ходатайством об избрании меры пресечения для задержанного, и в зал суда явились производившие задержание опера МУРа, скандал вышел просто феерический. Начальнику ОВД и начальнику отдела дознания кое-как удалось отмазаться, а вот Маринкин сослуживец-дознаватель, с которым она сидела в одном кабинете и который вел дело, присел на несколько лет. Первые полосы многих газет тогда пестрили заголовками типа вроде того, что «Не Барское это дело – в СИЗО сидеть», и Маринка, выйдя с больничного и ужаснувшись постигшей соседа по кабинету репрессии, тут же написала рапорт по собственному. И все бы ничего, вот только уволиться ей удалось только через полгода, когда она послала рапорт по почте заказным письмом на имя начальника УВД. В общем, бурная у нее была юность.

И, наверное, два бывших сотрудника в районной КДН – это вполне неплохо.

Когда я захожу в кабинет, Юра скачет между нашими с Маринкой столами, изображая, как он в детстве залепил старшей сестре яблоком в голову. В кабинете, как всегда, одурманивающе пахнет кофе – Юра традиционно выставил наполовину выпитую чашку на мой стол, а теперь забыл про нее и источает вокруг флюиды позитива и драйва. Я вхожу, Юра резко замирает на месте в нелепой позе, а потом обрушивает на меня поток праведного возмущения:

– Блин, у меня чуть яйца не поседели! Ты, блин, совсем уже охренел, что ли? Разве можно так красться?!

Юру можно понять. Он мобист, и его кабинет находится под кодовым замком, он весь заставлен сейфами, окно забрано решеткой, а к компьютеру не подключен интернет. То есть тотальная и безапелляционная изоляция, что при Юрином темпераменте категорически невыносимо. Устроившись на работу в управу, он, как и всякий новый в коллективе человек, искал свой круг общения, прощупывал почву и проводил рекогносцировку. В отделе ЖКХ, где у нас работают в основном мужики, к такому поведению мобиста не привыкли. До Юры в управе работал Иван Иванович Шматко, кап-раз в отставке, скучный и незаметный пенсионер, безвылазно сидевший в своей берлоге неделю напролет и лишь в пятницу сваливающий сразу после обеда на дачу, оказавшийся под пятой ЖКХ и клепающий за них все отчеты по учениям ГО и ЧС, планы, отчеты и прочую ересь. Когда на Юру попытались взвалить привычный, но не положенный объем дополнительной работы, и Юра достаточно жестко и по-военному огрызнувшийся —, отказался это делать при главе управы., Отдел ЖКХ сразу резко провел в неформальном общении с ним разграничительную черту. Среди девчонок из бухгалтерии и орготдела Юра, естественно, не нашел свой круг общения, и в итоге он оказался в кабинете комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Узнав, какими безобразиями мы

здесь занимаемся, он не преминул тут же рассказать, как в пятом классе сунул «Корсар» в унитаз школьного туалета и как тот взлетал, словно космический корабль на космодроме «Байконур», и сколько килограммов говна пришлось ему потом соскребать со стен, пола и потолка. И как потом именно после этого инцидента отец, офицер Генштаба, отправил его в московское СВУ.

– Привет! Я просто задолбался, уж не обессудь. Марин, прикинь, «Светоч» категорически не хочет нормально работать. И еще взяли на работу какое-то Му!

– Да я знаю. Просто бляди они все. – Маринка, как всегда, категорична.

Я падаю в свое офисное кресло, отодвигаю из-под носа нестерпимо ароматизирующую Юрину кружку с кофе и вхожу в ЭДО.

ЭДО. Электронный документооборот. Очередной высер мозга какого-то модернизатора в верхах. Целая система, подобная базам данных, содержащая в себе функции отправки и получения бумажного документа в отсканированном виде. Просто гениальное изобретение. И по этому ЭДО мы периодически получаем документы, хорошо хоть, не в пример меньше, чем тот же отдел ЖКХ. Хотя, с другой стороны, пусть их ковыряются.

В ЭДО ничего нового нет, и это не может не радовать. Пока я ковыряюсь с компьютером, Юра переходит к повествованию о подвигах изобретательности на первом курсе ВКА: самоход, связанные простыни, падение с высоты третьего этажа прямо на крышу патрульного уазика... Это действительно забавно и весело, но мысли о жареной картошке в лоточке перебивают не только веселье по поводу Юриных походов, но и отвратительное впечатление безнадежности и безысходности, оставленное после не предполагавшегося, но произошедшего контакта с Великим Му. Картошка все переможет! Стрелки настенных часов показывают ровно двенадцать ноль-ноль по московскому времени, Юра хватает с моего стола свою чашку с кофе и исчезает в дверном проеме. Еще бы – его ждет супчик, заботливо собранный ему на работу будущей женой. И это действительно неплохо! Маринка уходит обедать в соцотдел, а я остаюсь наедине с жареной картошкой и своими мыслями.

Картошка... Когда-то наши предки и не знали, что на свете существует такой замечательный овощ. Точнее растение, корнеплоды которого мы употребляем в пищу уже сколько? Ага, более трехсот лет, в общем-то. Это же ого-го, какой срок! Какие цифры, какой масштаб! За три сотни лет нашей истории чего только не приключилось со страной и ее гражданами. Двадцать лет воевали со шведами. Гнули спины на бар. Баре без зазрения совести торговали живым товаром, настоящими мертвыми душами. Воевали с турками. Строили Балтийский, затем Черноморский флоты. Покоряли Альпы. Сжигали Москву, бились насмерть при Бородино, гнали взашей францушек до самой ихней столицы. Щупали французских баб. Восхищались гением Пушкина. Гоняли своих же провинившихся товарищей через строй. Опять воевали с турками, а заодно и с англичанами, итальянцами и французами. Оставляли разрушенный Севастополь. Топили свои корабли. Ковали блоху. Воевали в Туркестане. Воевали в Болгарии. Воевали в Китае. Созывали Государственную думу. Жгли барские усадьбы в девятьсот пятом. Гремели кандалами на каторге. Кричали «ура» в четырнадцатом. Шли на мобилизацию. Гнили в окопах, бились с германцами и австрияками. Потом братались с ними же. Свергали царя. Убивали царя. Воевали сами с собой, с поляками и финнами. Строили коммунизм. Поднимали страну в пятилетках, колхозах и лагерях. Воевали с немцами. Так воевали, что чуть не отдали Москву, Ленинград, Кавказ, Украину и Беларусь. Потом воевать научились. Дошли до Берлина. Побили японцев. Полетели в космос и показали всем «кузькину мать». Воевали в Афгане. Хоронили. Снова строили коммунизм, но пришлось заняться перестройкой. Развалили страну. Торговали. Воровали. Воевали. Карабах, Приднестровье, Чечня. Хоронили, хоронили, хоронили. Потом снова строили, голосовали, избирали, улучшали, покупали, продавали. Дожили до сейчас. Непонятно как, но дожили. И все это время, несмотря ни на что, ели картошку!

Картошку можно пожарить. Быстро почистить, нарезать брусочками, бросить в уже раскаленную сковороду с маслом, помешивать, потом посолить. Выложить дымящуюся, с румяной корочкой, местами даже слегка пригоревшую, на тарелки. Поставить на стол банку соленых огурцов, положить рядом большие ломти душистого бородинского хлеба...

А можно картошку сварить. В мундире. Вымыть хорошенько и прямо в кожуре забросить в кастрюлю. Когда немного остынет, очистить кожуру и, макая в соль и заедавая зеленым луком, видеть своей ментальной памятью кольшущиеся от ветра моря спелой пшеницы, чувствовать запах конского навоза и согретого осенним солнцем сена, слышать звон струек молока под ловкими руками доярки...

Можно вновь очистить картошку и, не нарезая, сварить так же, как «в мундире», но чищеную. Выложить дымящиеся картофелины из кастрюли, полить душистым маслом, подцепить на вилку кусок жирной селедочки с прозрачным колечком остро пахнущего лука, налить в рюмку тягучего самогона из запотевшего графина...

А можно уже сваренную картошку залить молоком и размять в пюре, добавив туда изрядный кусок сливочного масла, а потом, как в детском саду, за пять минут съесть свою порцию, где тающая во рту пюреха дополнена тугими, розовыми, как поросята, сосисками и половинкой недозрелого водянистого помидора.

Можно с картошкой повозиться побольше. К примеру, очистить, натереть на самой мелкой терке (ужасно муторное и надоедливое занятие), затем слить обильно выделившийся сок, засыпать в натертую массу мучицы, вбить пару яиц, соль и свежемолотый перец – и пожарить затем аппетитнейшие, румяные оладьи, которые стоит есть прямо со сковороды, горячими, и хрустеть при этом свежим, освежающим холодным огурцом, разрезанным вдоль на четыре части.

Хотите использовать духовой шкаф? Пожалуйста! Молодые, не больше полкулака картофелинки тщательно моем, прямо в кожуре разрезаем на дольки (восемь или двенадцать), раскладываем на противне, предварительно застеленном фольгой (блестящей стороной вверх!). В произвольном порядке разбрасываем на картошку пару щепоток сушеного розмарина – а лучше кладем две веточки свежего, затем крупная соль, свежемолотый черный перец, сбрызгивание оливковым маслом... Тридцать минут в духовом шкафу, а потом наслаждайтесь ароматом и вкусом полезного, запеченного молодого картофеля!

Это то, что я готовлю сам, но преобладает, как правило, вареная или жареная картошка. Наиболее просто и менее трудозатратно, да к тому же жареная еще и позволяет варьировать рецепт на свое усмотрение. Хочешь – пожарь на сале, тогда картошка станет сытнее и дополнится отличным ароматом и хрустящими шкварками. Можно предварительно обжарить лук, затем добавить к нему картошку. Тоже неплохо! А ведь еще существует вариант со свежими или сушеными грибами...

Приятного аппетита!

«Приятного аппетита», – сказал я сам себе минут десять назад, а теперь стою и мою лоточек в нашем «бытовом уголке». Тут есть все необходимое: кухонные шкафчики, в них посуда, моющее средство для посуды, губки и прочая дребедень, есть мусорное ведро, холодильник, две микроволновки... Есть все необходимое, кроме душевой кабины, здесь тепло, светло, чисто и опрятно. По большому счету, в управе можно даже жить! Но к чему я об этом? Да все просто: в некоторых наших семьях нету даже такого минимума.

Тогда я еще работал в соцзащите. В системе произошла очередная оптимизация, и все семьи соседнего, в два раза большего района, обслуживать тоже должен был наш отдел. Естественно, что штатную численность нам никто и не думал увеличивать, хотя по правилам, количество сотрудников отделений помощи семье и детям рассчитывается в соответствии с количеством детского населения в каждом районе. Тем не менее, мы получили в «подарок» еще один

район. И, естественно, работа с неблагополучными семьями обоих районов свалилась на меня, а я ведь вел еще и выпускников детских домов. Пиздец, как говорится, подкрался незаметно.

Однажды нам поступила жалоба от кого-то из жителей. То ли бабка, то ли тетка, то ли вообще мужик жаловались нам на безобразный образ жизни своего соседа по подъезду Васи Иванова, который полгода назад выпущился из детского дома и получил от государства квартиру. Свою. Отдельную. Конечно, такие квартиры не приватизируют, она остается за выпускником как муниципальное жилье, доступное для его проживания сначала по договору безвозмездного пользования, а спустя пять лет – по договору соцнайма, да и квартиры эти, как правило, высвобождаются в городской жилой фонд после смерти какого-нибудь одинокого старичка, но тем не менее! И вот нам жаловались на постоянные заливы из квартиры Васи, на шум, гам и тарарам. В итоге, как апофеоз всего беззакония, жалобщик даже приходил к выводу, что в квартире Васи действует наркопритон и работают проститутки. Картина была маслом. Но по опыту, к сожалению, приходилось учитывать и такой вариант развития событий.

Около недели я пытался выцепить участкового, затем ждал его на морозе возле опорного пункта. Было холодно, глупо и бессмысленно. Осознавая, что в очередной раз я инициировал всю эту возню, что мне опять «больше всех надо», я обреченно мерз возле запертого опорного пункта и в каждой проезжающей по двору машине пытался угадать тачку участкового. Наконец, он приехал – худощавый рыжий старлей на грязно-вишневой «Мазде». В салоне сидел еще крупный молчаливый сержант. Мы поехали на адрес.

Дверь в квартиру долго никто не открывал. Старлей мельком выяснил у меня обстоятельства жизни подопечного Васи Иванова. Естественно, что жалобы от жильцов дома ему не поступали. У нас народ теперь по участковым не ходит. Лучше сразу мэру или президенту написать! Все же теперь грамотные, в интернетах сидят! И не задумываются бедные наши, в праведном гнев пребывающие обыватели, что ни мэр, ни президент их словесный, дурно пахнущий понос разбирать не будет, а чиновник аппарата шустро спустит это жалобу по команде на землю, то есть таким вот трудягам, как участковый старлей или я.

После пяти минут стука кулаками в дверь (звонка, конечно, у двери не было) в квартире послышался какой-то приглушенный шорох, и робкий мальчишечий голос спросил: «Кто там?..»

– Открывай, полиция.

Дверь отворилась. На пороге стоял маленького роста, взъерошенный пацан в вытянутой майке, спортивных штанах и босиком. Он больше ничего не говорил и молча тарачил на нас испуганные глаза, редко помаргивая белесыми ресницами. Во всем его виде, во всем его взгляде так и сквозило какое-то затравленное, забитое неблагополучие. Я сразу почувствовал эту атмосферу вокруг пацана – за несколько лет работы я безошибочно научился схватывать это ощущение. Старлей с сержантом протиснулись в прихожую и бесцеремонно стали заглядывать во все помещения квартиры. Мне всегда претило это несколько нагловатое и самоуверенное поведение сотрудников полиции. Наверное, поэтому я и ушел из органов.

– Ты Иванов? Паспорт давай. В чем проблема? Почему соседей заливаешь?

– Да я это... кран вот течет...

– В ДЕЗ обращался? Слесаря что, вызвать не можешь?

– Да я телефон не знаю...

Пока происходил этот сумбурный и обычный в таких случаях диалог, я тоже решил осмотреть квартиру. Что я там увидел? Ничего! В комнате на полу валялся драный кроватный матрас, на нем – две чем-то заляпанные подушки без наволочек. Стоял еще на полу мини-бук с треснувшим экраном, заклеенным скотчем, подключенный в розетку. На кухне стояла старенькая замызганная газовая плита, на которой в грязной кастрюле что-то варилось – оказалось, это были слипшиеся макароны. Была еще раковина с тумбочкой и дверь на балкон. На кухонной батарее сушились носки и женские колготки.

Сержант тоже заметил наличие колготок на батарее и, ткнув в них папкой на молнии, спросил:

– Кто еще находится в квартире?

Парень потел и мялся, переступая босыми ногами по немытому, липкому линолеуму.

– Ну?!.. – папка угрожающе затряслась перед его носом.

Тогда скрипнула балконная дверь, и вместе с клубами морозного пара на кухню вывалились еще четверо человек: два пацана и две девчонки. Судя по их виду, они успели хорошенько замерзнуть на балконе: им пришлось спрятаться, как только участковый стал ломиться в дверь. С этого момента прошло уже не менее двадцати минут.

Все они явно были младше восемнадцати лет.

– Это кто?

– Это друзья мои.

– Паспорта.

Замерзшие детдомовцы (а это были, конечно, они, сбежавшие и живущие теперь у своего старшего товарища), начали что-то просительно и невнятно мычать. Старлей прошел в комнату.

– Так, Иванов, иди сюда. Тебе срок два часа, чтобы вызвать слесаря и чтобы эти покинули жилплощадь. Дальше. Каждые два дня будешь отмечаться у меня в опорном пункте. Утром или вечером. Понял? И не дай, если не отметишься или опять поступит жалоба. По-другому тогда говорить будем, понял?

Иванов стоял и обреченно кивал в ответ. Макароны на плите начали подгорать.

– Так, Василий, – теперь пришла моя очередь вывалить на пацана кучу информации, – я сотрудник центра социального обслуживания. Вот визитка, там есть адрес и телефоны. Мы помогаем выпускникам детских домов, консультируем по различным вопросам: бытовым, юридическим, социальным и так далее. Все вопросы задавай нам. Поможем. Лучше всего тебе завтра к нам подъехать. Давай напишу, как добраться.

Я забрал из рук пацана визитку и на обратной стороне расписал, на какой автобус ему нужно сесть, на какой остановке выйти и как дойти до центра. Я писал это и понимал, что если он сам не захочет, мы ничем не сможем ему помочь. И, скорее всего, никуда он завтра не приедет. И никуда эти его друзья не денутся.

– Мебель себе купи, что ли. Сколько ты получил при выпуске из детдома? Тысяч сорок? Шестьдесят? Где эти деньги? – Парень угрюмо молчал. – Квитанции оплачиваешь за квартиру? На работу надо устраиваться. Или в колледж поступать. Приезжай, все подскажем и расскажем.

Никуда он не поедет, точно. Деньги все либо отобрали, либо уже потратил на бухло и сигареты. Или на наркоту. Траву, скорее всего. А вот эти малолетки – они же к нему и приезжают за бухлом и травой. И не нужна ему ни учеба, ни работа, ни мебель. И через год, не позже, выкинут его из этой квартиры полукриминальные риэлторы, хорошо еще, если живого, и никто даже не почешется. Да что там говорить – в том же районе на другой территории, в квартире, которая до сих пор вроде как принадлежит бывшему детдомовцу, живет другой участковый. И прекрасно себя чувствует! «Мне самому жить негде. У меня двое детей. А так за квартирой хоть присмотрю», – говорил он, стоя на площадке у мусоропровода и покуривая вонючий «Винстон», когда мы после передачи нам дел решили пройтись по всем новым подопечным. «И долгов по кварплате нет, как у Михеева. Знаете уже Михеева?».

Михеева мы уже знали. Листая личное дело, у меня шевелились волосы не только на голове, но и на других частях тела, обладающих волосяным покровом. Михеев был старше меня на три года, но до сих пор состоял на социальном сопровождении как выпускник детского дома, договор социального найма на пользование квартиры не заключал, нигде не работал, квитанции не оплачивал и за десять лет накопил уже долгов больше чем на полмиллиона! Предыдущие особо дельные работники соцсферы благополучно отписывали каждые пять лет,

что выпускник Михеев недостаточно социализовался и предлагали департаменту жилищной политики продлить договор безвозмездного пользования. И поэтому ему можно было ни за что не платить, а выселить его не могли.

Мы вышли из квартиры Васи Иванова. Я поблагодарил старлея с сержантом, мы распрощались. «Да вы обращайтесь, если такое дело, – бросил, спускаясь по лестнице, старлей. – Это же и наша работа тоже». Вот в том-то и дело, что это и ваша работа. И моя. И еще кого-то. То есть, устройством во взрослой жизни бывших детдомовцев занимается соцзащита, департамент жилищной политики, образование, службы ЖКХ, полиция, органы опеки – а в итоге они спиваются, садятся на иглу и теряют свои квартиры. И никто – никто – ответственности за это не несет. Ведь человек – сам хозяин своей жизни. Каким бы он ни был: инвалидом, алкоголиком, многодетным отцом, одинокой матерью, круглым сиротой, министром здравоохранения, сержантом ППС, оленеводом на Крайнем Севере – он все равно будет единоличным хозяином своей судьбы. Так ли это? Никто не скажет. Никто.

Обед закончился, а оперативно-профилактический рейд «Подросток» продолжается. Сегодня нам с Надькой надо-таки дойти до квартиры Смирновых – и вновь приобщиться к прекрасному. Я записываюсь в журнал командировок, шмыгаю носом и вновь окунаюсь во влажную московскую зиму. Зима в городе, твою мать...

Смирновы живут недалеко от Меркуловых – это старые сталинские кирпичные пятиэтажки с высокими потолками. В части из них были милицейские общежития, в части – общаги работников окрестных заводов. Снова темный, засанный кошками подъезд, спертый запах табака и старческих лекарств, снова подоконники с консервными банками-пепельницами, снова заплеванной кафельный пол и надписи на стенах: «Аня шлюха», «здохни тварь», «отсосу бесплатно» и т. д. Снова обшарпанная, грязная дверь в квартиру, снова неработающий звонок – антураж вокруг наших семей всегда один и тот же. Пока стоим у двери, я жалуясь Надьке на «Светоч».

– «Светоч»? А кто это вообще? – Надька прекрасно знает, о какой организации я говорю, но нарочно меня подзуживает. – Они же ни хрена не делают, верно? Ну и забей! Если у них ничего нет – так и не появится.

Я не успеваю поспорить либо согласиться с Надькой – дверь, наконец, открывается. Нас встречает сама Мария Владиславовна – маленькая, глуповатая женщина, которая никогда в жизни не работала, но успела родить двоих не менее глуповатых дочерей.

– Ой, а вы опять к нам? Ну проходите, – удивляется, а затем недовольно ворчит Мария Владиславовна. – У нас нормально все.

От Смирновой явно пахнет спиртным.

– Да где же нормально, Мария Владиславовна? Старшая опять в школу не ходит. Вы что, пьете опять?

– Я не пью...

– О! И Аня здесь!

Мы проходим в комнату. Свет не зажжен, все завалено какими-то кучами явно не стиранного белья, на полке справа от двери топорщится целлофановый пакет с коробочками от старых диафильмов. На столе красуется только початая, блестящая тусклым янтарем бутылка виски, два стакана, двухлитровая бутылка колы.

– Ань, ты че в школу не ходишь, а? Нам опять пишут, – спрашивает Надька у худой и бледной девчонки с огромными, на пол-лица, глуповатыми глазами, а сама открывает свою папку-чемоданчик. – По какому случаю праздник?

Аня только хлопает глазами, а Мария Владиславовна начинает невпопад бубнить:

– Да куда ей щас в школу? Тяжело ей учиться, она сколько вон пропустила в декрете... Да и вообще она у меня не шибко умная, я ее с восьми лет в школу отдала же...

Девчонка с глуповатыми глазами – это старшая дочь Смирновых, Аня. Осенью, аккурат в день моего рождения, ей исполнится восемнадцать. А пока она никак не может закончить девятый класс, зато год назад родила сына. Идиотская школа, содрогаясь, видимо, все это время, прикрывала свою задницу и Смирнову до того момента, пока Надька, выйдя в очередной раз на адрес, не обнаружила дома у Смирновых новорожденного младенца. Это был скандал. Школу трахнула прокуратура, Надька стремительно начала рыть землю, пытаясь накопать на сто тридцать четвертую, но в итоге выяснилось, что на момент «залета» Ане Смирновой уже исполнилось шестнадцать, а отцу ребенка было только семнадцать. Вскоре после рождения ребенка новоиспеченный отец отправился снашивать камуфляж и кирзовые сапоги куда-то в Волгоградскую область, а молодая мамаша на несколько месяцев уехала в Пушкино к гипотетическим свекру и свекрови. Уже после, возвратившись с ребенком к родителям, Аня продолжила тусоваться в компании малолетних кандидаток на панель, за что вскоре и была доставлена в наш ОВД по двадцать-двадцать. В школу она, естественно, не ходила и ребенком не занималась. Когда к Ане домой завалились очередные двое пацанов, глава семейства, столяр-алкоголик Дмитрий Евгеньевич Смирнов, попытался выдворить любвеобильную молодежь за порог. В итоге пацаны отметелили Дмитрия Евгеньевича и сгнули, а тот, срывая злость на дочери, выгнал ее с годовалым ребенком на площадку, надавав пощечин и порвав мочку уха. Аня, вся в слезах, соплях и крови, позвонила свекрови, и та вновь забрала ее на несколько месяцев в Пушкино.

Как оказалось, Аня вновь вернулась в квартиру родителей.

– Мария Владиславовна, так почему пьем-то? В присутствии несовершеннолетней дочери? – — Надька уже пристроилась на табуретке и принялась заполнять бланк протокола. По всему, намечался пять-тридцать пять. – Паспорт давайте.

Смирнова-старшая снова принялась что-то бурчать и полезла в шкаф. Пока она рылась на полках, Аня принялась рассказывать:

– Эти виски папе подарила Елена Андреевна, она к нам в гости приезжала вчера.

– Елена Андреевна – это кто?

– Это Саши мама, то есть свекровь моя. Как Саша из армии придет, мы поженимся и будем в Пушкино жить.

– А школу заканчивать ты собираешься? Жить на что будете? У Саши твоего что, специальность есть? Ребенком кто будет заниматься?

Аня закусила губу, замолкла и уставилась на янтарную бутылку.

– Нате вам паспорт.

– Мария Владиславовна, почему стакана два стоит? У вас муж дома?

– Не, муж на работе. А я Аньке налила, пусть выпьет с матерью.

– Пусть что? Пусть выпьет? Она школу закончить не может, у нее ребенку год, а вы ей – выпить?

– Ну а что? – Смирнова-старшая явно не чувствовала за собой никакой вины. – Я ей и коктейли иногда беру, эти, в железных банках. Трудно же ей, молодой одинокой матери!

Я увидел, какой блеск в глазах появился у Надьки. Еще бы! Это вам не сраное «пять-тридцать пять», это целое вовлечение, да еще часть вторая! Своих несовершеннолетних детей! Пока Надька вписывала в протокол паспортные данные, я решил поинтересоваться у Марии Владиславовны:

– А Вы понимаете, что вот это застолье – это административное правонарушение? И да, Надежда Владимировна сейчас составляет протокол. А самое интересное – знаете что? Штраф по второй части этой статьи составляет четыре тысячи рублей!

Вот так. Я прямо вижу, как Смирнова-старшая начинает трезветь, и ее бараньи глаза наполняются влагой. Конечно, учитывая, что долги за коммуналку у них уже за триста тысяч перевалили...

Надька на всякий случай уточняет обстоятельства:

– Ань, ты пила?

– Не, – еле шепчет та, – попробовала чуть-чуть, но оказалось слишком крепко. Я такие виски не пью.

Вот так, она не пьет такие виски! Я заглядываю в протокол. В графе объяснений привлекаемого лица Надька так и пишет: «Гражданка Смирнова М. В. такого-то года рождения пояснила, что виски, которые употребляла она и ее несовершеннолетняя дочь Смирнова А. Д. такого-то года рождения, подарила ей свекровь Смирновой А. Д.». Учите русский язык, бля!

Я выхожу из темного, зловонного подъезда. Вокруг меня – город. Мой город. Город, в котором я родился и вырос. Город, который меняется на глазах – и все равно остается неизменным в своей сути. В чем его суть? Я не знаю. Не знает никто, потому что это город-хамелеон: сегодня он ностальгически-грустный, а завтра блядство и блевотина повсюду, куда ни кинешь теплый, опохмелившийся взгляд. Суть города – в каждом из нас.

Я останавливаюсь на автобусной остановке, вокруг которой – битое стекло, урна с пивными бутылками и наполовину стершаяся с лета надпись баллончиком «MIX, СПАЙС». Почему-то безудержно хочется курить. Я бросил эту дурацкую привычку еще на втором курсе училища – хотя, по большому счету, я и курить попробовал именно в то время. Побаловался пару месяцев, растратил энную сумму из нищенского денежного удовольствия на удовольствие табачное – и плюнул на это бестолковое занятие. Но теперь вновь хочется курить, я даже ощущаю в легких щекочущее поперхивание табачного дыма, ротовая полость обильно наполняется густой тянущейся слюной. Я сую руку в шерстяной перчатке за пазуху пальто, выуживаю кошелек и начинаю исследовать его недра. Тааак... Ну, вообще-то, я хотел купить домой «Пемолюкс» и губки для мытья посуды, да хрен бы с ними, щас придумаем что-нибудь. Топчусь на остановке и пересчитываю мятые бумажки в кошельке. Блять. Сука. Ничего не получается.

Захлопываю кошелек, собираюсь уже убрать обратно в карман. А если... А, нет же. Ссука... Хотя... Вот что! В конце концов, позвоню Тарасову и предложу забрать пару бутылочек перцовки рублей по... ну, сторгуемся, в общем. А если захочет взять чистого... Ну, сметаюсь в выходные к бабушке в гости, к тому же и проведать ее в принципе пора. Я еще раз заглядываю в кошелек и бодрым шагом направляюсь в магазин через дорогу.

На кассе, как всегда, очередь. Угулбек покупает пятнадцать батончиков, шесть майонезов, четыре «Дюшеса» и два кило лука на весь аул. Датый мужичонка в шапке-гондонке берет чекушку и колбасную нарезку. Терпко пахнет дешевой сырокопченой колбасой с большими кружками жира. Молодая бледная девчонка в наушниках и стоптанных грязных уггах берет злаковый йогурт, клюквенные хлебцы и еще какую-то диетическую поебень. Смотрю на ее скудный набор, и вдвойне хочется этой терпко пахнущей мужичонковской колбасы. Но стоп, пить с ним я не собираюсь.

Подходит моя очередь.

У меня вполне приличный набор: «Пемолюкс» с ароматом зеленого яблока, упаковка из пяти разноцветных губок для мытья посуды (зеленая, лимонная, розовая, сиреневая и снова зеленая), рулон дешевой сортирки (я ей не жопу вытираю, а протираю ободок сиденья.. Ддля жопы покупаю более мягкую, подороже), пакет кефира, полбуханки черного хлеба (это все домой), небольшой кусок российского сыра (белорусского производства) и одно красное яблоко, на которое криво налеплен распечатанный на весовом аппарате ценник. Я выкладываю свои трофеи на ленту кассы, и когда немолодая продавщица пропикивает все это и спрашивает насчет пакета, я выставляю перед ней *мерзавчик* какого-то коньяка и прошу... что бы такое взять... «Русский стиль» синий у Вас есть?

Тетка внимательно смотрит на меня и отрывисто бросает прямо мне в лицо, не переставая полоскать мою трехдневную щетину во взгляде своих усталых водянистых глаз:

– Паспорт!

Ну конечно!

Мне ведь всего шестнадцать лет! Я так похож на школьника, который готовится сдавать ГИА!

Секунд пятнадцать я даже раздумываю, показать ей паспорт или поскандалить и вызвать менеджера? Но слюна во рту самым мерзким образом продолжает копиться, и я, шумно вздохнув, сую ей прямо в ее водянистые глаза свой документ. Да, тетя, мне скоро тридцать, ебта! Тетка бурчит «спасибо», пропикивает мне мерзавчик и сигареты. Да, и зажигалку еще. Да самую дешевую. Работает? Ну и прекрасно.

На улице – сырой московский вечер. Небольшой морозец противно щиплет нос, прохватывает сквозь тонкий летний костюм и легкое пальтецо. В мокром асфальте отражаются фонари, мигающие рекламные вывески, лучи фар автомобилей. В воздухе – колючая морось, вонь бензина, из открытой форточки несет запахом сильно пережаренного лука, сигаретный дым щекочет ноздри. Я облегченно улыбаюсь, шуршу пакетом, откупориваю мерзавчик с шибяющим в нос коньяком и тут же опрокидываю в рот половину бутылочки. Дешевый коньяк обжигает горло, льется по пищеводу в желудок, жжет язык и дурманит мысли. «Двадцать-двадцать», от пятисот до одной тысячи пятисот. Инспектор, блять. Судорожно вскрываю пачку сигарет, вытягиваю одну, резко дую в фильтр... Подкурить мешают ветер и пакет, ветер шуршит им, я кручусь на тротуаре, чиркая замерзающим пальцем по колесу зажигалки и тихонько матерясь. Наконец, сигарета подкурена, терпкий удушающий дым наполняет рот, легкие, и перед глазами плывут видения: казарма, желтые с белым стены, засаленные бушлаты, истоптанный плац, тощие лица с лихорадочно блестящими глазами, отдающий ржавчиной чай, постоянное желание упасть и уснуть, мечты, разговоры, разговоры... А теперь мне почти тридцать, и я иду домой, пытаюсь ни о чем не думать, пью дешевый коньяк, со вкусом ем сыр с яблоком и курю впервые за последние восемь лет. Стараюсь не думать.

Не думаю.

Не могу не думать.

Почему я – здесь? Почему, имея совсем другие увлечения и стремления в подростковом возрасте, почти десять лет проведя в погонах, учась работать с личным составом, обеспечивая его должное морально-психологическое состояние на службе, я в итоге уже пятый год тону в болоте человеческого неблагополучия, глупости, бреда и горя. Родители-наркоманы, родители-пьяницы, родители-психи, родители-уголовники... Дети-наркоманы, дети-пьяницы, дети-уголовники... Просто юные и бестолковые курильщики, прогульщики, агрессивные и закомплексованные подростки. Девчонки, крадущие тушь и алкогольные коктейли из магазина. Старшеклассница, объевшаяся таблеток из-за конфликта с родителями и несчастной любви. Пацан, вломивший однокласнику за похабный комментарий в соцсети под фото его матери. Юный террорист, подогнавший тележку из «Ашана» к нашему ОВД с запиской «Мусора пидарасы, сосите хуй, Аллах акбар, привет от Ахмеда». Не самые лучшие люди, но, наверное, и не самые худшие. Самые худшие у нас отбывают наказание. Ха-ха, хер там плавал. Сколько невинных сидит у нас в стране? Сколько подонков гуляет на свободе? Кто сможет хоть что-то изменить?

Могу ли я что-то изменить? Здесь и сейчас? Я не знаю. Не хочу задумываться над этим. Я уже пробовал. В итоге оказываешься на краю чудовищно глубокой пропасти, один взгляд в которую уже ввергает тебя в тихое помешательство. Не надо думать. Надо делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.